

В. ОВЕЧКИН

Гости в Стукачах

**БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 4
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА — 1946**

В. ОВЕЧКИН

ГОСТИ В СТУКАЧАХ

Издательство «ПРАВДА»

Москва — 1946 г.

В. ОВЕЧКИН

Валентин Владимирович Овечкин родился в 1904 г., писать начал ещё комсомольцем. Первый рассказ «Савельев» был напечатан в газете «Беднота» с 1927 году. Печатался в Таганрогской окружной газете, в ростовских газетах. Затем был большой перерыв, когда В. Овечкин не писал совсем — работал председателем сельскохозяйственной коммуны (1925—1931 гг.), был на партийной работе на Дону и на Кубани.

С 1934 г. стал работать разъездным корреспондентом-очеркистом в газетах «Молот» и «Колхозная правда» (Ростов на Дону), «Армавирская коммуна», «Большевик» (Краснодар).

В 1935 г. в Ростовском издательстве вышел первый сборник рассказов «Колхозные рассказы». В 1938 г. — сборник «Рассказы» в Краснодарском издательстве.

С 1939 г. печатался в «Красной нови», где помещены: «Гости в Стукачах», «Прасковья Максимовна», «Слепой машинист», очерк «Без роду, без племени».

В 1941 г., уже во время войны, В. Овечкин выпустил в издательстве «Советский писатель» сборник рассказов в соавторстве с Ал. Михалевичем — «Степной дорогой».

Был на фронтах: на Крымском — корреспондентом фронтовой газеты, на Сталинградском и Южном — агитатором стрелкового полка, на 4-м Украинском — в армейской газете.

После демобилизации написал в 1944 г. повесть «С фронтовым приветом», напечатанную в журнале «Октябрь».

В правлении станичного колхоза «Маяк революции» обсуждался вопрос: кого послать в соседний хуторской колхоз «Красный Кавказ» для проверки соцдоговора?

— Надо послать таких, — говорил председатель колхоза, — чтобы не только проверили всё до основания, но чтоб смогли и на собрании их разделать как следует быть. Конец года — итоги подводим. Самых острых на язык надо подобрать.

— Ну, что ж, — предложил бригадир Дядюшкин. — Пошлём опять Капитона Ивановича Печерицу. Этого они всем колхозом не переговоят.

— Печерицу обязательно! — поддержали колхозники. — Главным докладчиком будет.

— Дядюшкина — тоже. Запиши Андрея Савельича Дядюшкина.

— По машинам — Коржова.

— Можно ещё Серёжку Замятина.

— Василису Абраменко.

— Правильно. Этих — по животноводству.

— Так, ладно, — подвёл председатель черту. — Из звеньевых надо бы ещё одну.

— Пашу Кулькову.

— Кулькову — да. Я сам думал. Подходящая кандидатура. Она и здесь всем нам житья не даёт — пусть ещё там её узнают. Так есть. Ну и, значит, сверх этого, кому желательно. Сколько на машину поместится.

...В воскресенье с утра у правления колхоза стояла трёхтонка. Капитон Иванович Печерица, колхозный парторг и заведующий агролабораторией на правах старшего в комиссии, захватил лучшее место в машине, где не так пробирал острый декабрьский ветер: сел прямо на дно кузова спиной к кабинке, подняв выше головы воротник тулупа. Из воротника выглядывали только усы его, нос, покрасневший от холода, и глаза, тёмные, карие. К нему под бок при-

мостилась Паша Кулькова — худенькая, хрупкая девушка, рыжеватая, с рябинками на лице. Капитон Иванович укрыл её полой тулупа. Доярка Василиса Степановна Абраменко — тётя Вася, как её все зовут, — пышная, румяная казачка, укутавшаяся в джину платков и тёплых кофт, с трудом вскарабкалась на борт и, вскрикнув: «Ой, мамочки, да побобите же!», — свалилась с борта прямо на ноги Капитону Ивановичу. Кузнец Михайло Потапович Коржов — мужчина такого огромного роста, что всякий раз, когда он появлялся в толпе, казалось, будто кто-то верхом приехал, — подковырнул носком сапога к машине валявшийся на дороге камень, стал на него и, задрав ногу через борт, очутился в кузове. Бригадир Дядюшкин и конюх Серёжа Замятин, оба в казачьих черкесах и красных бешметах, вынесли из конторы скамейку, поставили её в кузов, сели на неё, не прячась от ветра, лицом к нему. Сергей зажал в коленях древко знамени, на котором золотым шёлком по красному было вышито: «Лучшему колхозу — переходящее знамя Осташковского станичного совета».

Кроме комиссии, в машину село ещё человек пятнадцать колхозников и колхозниц. Закубанский хутор Стукачи, куда ехала комиссия, в своё время выселился из станицы. Там проживало много родичей станичных колхозников, которых можно было навестить, пользуясь случаем.

Последним усадили дряхлого деда Акима Федотыча Штанько, собравшегося в гости к куму-однополчанину, сослуживцу по японской войне. Акима Федотыча проводила из дому к машине старуха, заботливо обмотавшая его поверх овчинного полушубка двумя полотенцами, одним — вместо кушака под пояс, другим — под воротник, вокруг шеи.

— Э-эх, совсем бы рассыпался дедушка, кабы бабушка не подпоясала! — сказал Коржов, нагибаясь через борт, беря маленького тщедушного деда подмышки и втаскивая его в машину.

— Значит, так, — сказал председатель, заглядывая в кузов. — Ты, Капитон Иваныч, следи, чтоб всё в порядке было. Под твою ответственность. Там кто до свата, до кума, — он посмотрел строго на деда Штанько, — так чтоб аккуратно гостевали, без лишнего, а то ещё на обратном пути из машины повываливаются. Насчёт проверки — глядите в оба. Карандаши, блокноты захватили? Передавайте привет ихнему председателю. Андрей Савельич! Передашь брату

привет, скажешь: извиняется, что не смог сам приехать — в район вызывают.

— Ладно, скажем.

Шофёр Федя Малюк завёл мотор:

— Всё?

— Всё как будто.

— Ну, поехали. Держись, дед!..

* * *

Хутор Стукачи прозывался так потому, что там много было кузнецов. В тихий, безветренный день, когда подъезжаешь к хутору, ещё с парёма, километра за два, слышен дробный, звонкий стук молотов о наковальни. Было у хутора и другое название, данное ему землемером при нарезке участка, — Ново-Осташковский, — но оно употреблялось только в бумагах, а так все привыкли звать его либо «Стукачи», либо просто по имени колхоза — «Красный Кавказ».

Комиссия из «Маяка революции» нагрянула в хутор часам к десяти утра. В правлении не было никого: председатель, завхоз, бухгалтер — все ушли завтракать. Встретила гостей сторожика. Она попросила их подождать минутку и побежала за председателем.

Гости собрались в круг у конторы правления. Капитон Иванович сбросил с плеч тяжёлый, стеснявший движения тулуп, снёс его к машине, кинул шофёру в кабинку, остался в одном ватном бешмете — статный, недурной наружности, черноусый, не молодой, но и не старый ещё казак. Состоялось небольшое совещание.

— Придётся, должно быть, разделиться по отраслям, — сказал Капитон Иванович, — а то не управимся к вечеру.

— Конечно, — ответил Дядюшкин. — Каждый по своей специальности.

— Тогда, значит, так. Ты, Михайло Потапыч, по инвентарю: ремонт, сохранность и всё прочее. Возьмёшь с собою ещё человек двух. Только гляди: тут у них с этим делом обстоит получше нашего: кузнец на кузнеце, кузнецом погоняет. Копай поглубже, качество проверяй. Тётя Вася пойдёт с Сергеем на фермы. Пусть уж они заодно и тягло посмотрят. Так, что ли, Андрей Савельич? Успеете? Ладно. Значит, и конюшни ваши. Действуй, Сергей, смелее, не пожалей труда; если найдёшь где нечищенного коня,

скидай черкеску, бери щётку, гребёнку и чисть. Покажи им. Паша останется с нами. Мы с нею и Андрей Савельичем займёмся бригадами, звеньями, семенным фондом и всем остальным. Так? Кто раньше управится, присоединяйтесь к нам.

Из хаты, стоявшей напротив правления, по другой стороне улицы, вышел, застёгивая на ходу длинную, кавалерийскую шинель, председатель колхоза Николай Дядюшкин — родной брат Дядюшкина из «Маяка революции», демобилизованный недавно из армии младший командир.

— Хозяин идёт, — сказал Коржов.

— Молодой хозяин, — заметил Капитон Иванович. — Трудно ему здесь приходится. Но он вроде парень не промах. А? Как думаешь, Андрей Савельич, вытянет братуха?

— Кто его знает, — пожал плечами Андрей Савельич. — Как сумеет народ повернуть.

Николай Дядюшкин, широко улыбаясь, поздоровался за руку сначала с братом, потом со всеми остальными:

— Прибыли? Очень хорошо. Давно ждём. Ого, как вас густо — всем колхозом привалили! Приехали, значит, к нам ума-разума подзанять, поучиться, как надо хозяйевать? Прекрасно! Всегда рады помочь людям.

Капитон Иванович ответил лёгкой усмешкой — одними глазами, — обернулся к своим:

— Слыхали? Вот вам и молодой. Тоже с подходцем... А что ты думаешь, Коля, может, и на самом деле придётся у вас какой-нибудь опыт перенять? Мы не отказываемся. Бывает. Вот летом ездили наши в «Восход», вернулись — рассказывают: сроду не знали такого дива, как это можно пчелиным мёдом вместо колёсной мази обходиться, а там на практике пришлось повидать. В одной бригаде брички с начала коллективизации не мазались, мази и в помине нету. Бригадир узнал, что комиссия приехала, испугался, как бы не догадались брички проверить, выдал ездовым с кухни два кило мёду, велел мёдом помазать да ещё приказал: если будут спрашивать, почему жёлтое, говорите: солидол переработанный. Наши так бы, пожалуй, и не доглядели, да кухарка ихняя выдала. Сели обедать, она подала на стол вареники с вишнями и говорит: «А подсластить нечем — извиняйте. Держала кувшин мёду про всякий случай, да наши шелапуты додумались им брички мазать». Как брички? Кинулись туда, сняли одно колесо, пальцем на язык — верно, мёд. Приехали, рассказывают:

«Вот такую рационализацию выдали. Может, попробовать и нам применить? Гляди, не дешевле ли выйдет».

Дядюшкин-младший, не обижаясь, посмеялся вместе с гостями, похлопал по плечу Капитона Ивановича:

— Валяй, валяй, дядя Капитон! Нам это не вредно.

Хуторская жизнь вся на виду. Стукачи — небольшой хутор, в нём всего одна улица. Хаты стоят двумя ровными шеренгами, окружённые со всех сторон голой зимней степью, а клуб и правление колхоза — как раз посредине хутора, на пригорке. Отовсюду видно, если кто-нибудь подъезжает к правлению. Минут через десять у машины собралась целая толпа.

— Здорово, сосед!

— И ты, сваха, тут? Доброго здоровьичка! Что ж сама? А сват Петро?

— Здравствуйте, мамо!

— Здравствуй, здравствуй, доченька! И Федюшку привезла. Внучек мой, родненький! Давай его сюда.

— Ого, Капитон Иваныч! Живой, крепкий? Опять к нам?

Когда переговорили с родичами о всяких домашних делах и народу собралось побольше, Капитон Иванович сообщил, зачем они приехали. Сам он отрекомендовался председателем проверочной комиссии. Колхозников, приехавших с ним, представил как членов. Тут же рассказал, каким порядком наметили они произвести проверку. Дядюшкин-младший объявил, что вечером в клубе состоится общее колхозное собрание.

— Та-ак... Значит, сегодня опять кой у кого штаны затрясутся? — сказал один из хуторских колхозников. — Как в прошлый раз на собрании у завхоза Юрченки: ищет блокнот, а сам руками в карман не попадает.

— Нет, сегодня хуже будет. Все отрасли проверим.

Завязалась лёгкая словесная перепалка:

— Так и много же вас приехало! Трудно будет с вами сражаться.

— Ничего, ребята, не робей! Мы дома, в своей хате и коcherёжки помогают. Вот когда к ним поедem, так достанется. Заклюют!

— А мы пошлём ещё больше — две машины нагрузим.

— А где они у вас, две машины, разве уже исправили ту, что Юрченко разбил, когда за зайцем гонялся?

— Исправили. Пятьсот рублей на его счёт записали.

Давно уже на ходу. Ты, Капитон Иваныч, будешь три года того зайца вспоминать.

— А это что ж у вас на машине? Переходящее знамя? Не нам ли случаям привезли?

— Да, когда-то было у вас. Узнаёте?

— И обратно к нам возвращается?

— Ну, ясно, они его здесь оставят. Чего ж его возить туда-сюда? Всё равно приедем, заберём.

— Кишка у вас тонка забрать знамя, — ответил Капитон Иванович. — Оно уже к нам привыкло... Насчёт знамени я вам, товарищи колхозники, такую резолюцию передам, если это вас интересует: тогда отберёте вы у нас знамя, когда у вашего рябого быка, которому Митька Стороженко хвост оторвал, на том самом месте новый хвост вырастет — никак не раньше.

Хуторяне смеялись не так весело, как гости:

— Вот, шут его дери! Уже пронюхал! Ведь это вчера только случилось.

— Слухом земля полнится. Нам по телефону позвонили.

В спор вмешался дед Штанько. Он закоченел в пути, но в хату до кума не спешил, порядка не ломал.

— Штандарт нам никак нельзя терять, — прошамкал он, растирая шерстяной варежкой почугуневшие щёки, мокрые от слёз, струившихся из воспалённых на ветру глаз. — Оно и раньше так было: ежели полк свой штандарт потеряет, так и полк расхвормируют. Вот как было.

— Ну, этого, дедушка, с нами не случится, — ответил Капитон Иванович. — Кто отберёт? Они? А ну-ка, погляди-те на них получше: похожи они на таких героев? Вот можно прямо с конторы начинать. Порожки развалились, и поправить некому. Нам, что ли, своих плотников при-слать? Чистилки для сапог не имеется — это культура такая? А в кабинетах я хоть ещё и не был, так с прошлого раза помню: печка облупилась, дымит, в стене дырка, прямо над главным бухгалтером кирпичи вываливаются, плевательниц нет, курят все. Правильно? Ну вот. Как там бухгалтер вашего, не убило ещё кирпичом? Нет, живой, идёт... Здравствуй, товарищ бухгалтер! О тебе речь как раз зашла. Беспокоились о твоём здоровье.

— Нету уже дырки — замазали. И печку поправили, — отозвалась с крыльца сторожика. — Надо сначала поглядеть, а потом говорить. Ну, и дядька Капитон! Погоди, приедем к вам!.. — смущённая хохотом колхозников, она закрылась шалью и юркнула в дверь.

Дядюшкин потянул Капитона Ивановича за рукав:

— Что ты навалился на них с места в карьер? Давай уж по порядку — идти так идти.

Дядюшкин-младший, всё так же широко улыбаясь, пригласил гостей погреться:

— Дядя Капитон! Погоди, успеешь ещё. Зайдёмте ко мне, посидим. Вы, может, выехали из дому натошак? Закусите сначала?

— Нет, этим нас не возьмёшь! — отмахнулся Капитон Иванович. — Закусить, выпить — знаем это! Натошак способнее — злее будем, больше недостатков подметим. Ты, товарищ председатель, побеспокойся лучше, чтоб все люди на местах были. Сейчас пойдём. Тётя Вася! Михайло Потапыч! Начинаем, пошли. Сбор к четырём часам в клубе. Записывайте там всё. Фактов, фактов побольше, они факты не любят.

Площадь у правления колхоза опустела. Коржов с двумя колхозниками из «Маяка» пошли к инвентарному двору, за ними — вереница хуторян. Василиса Абраменко с Замятиным, тоже окружённые толпой колхозников, направились к животноводческому фермам, в другой конец хутора. Дядюшкин-младший пошёл с Капитоном Ивановичем и с братом.

— Ты, Коля, сейчас не затевай ничего, — сказал ему уже серьёзно, без всегдашней своей усмешки, Капитон Иванович. — Мы дома завтракали, есть не хотим. Лучше попозже, после проверки, а то не управимся... Ну, как тут у тебя? Рассказывай.

Николай Дядюшкин, шедший позади Капитона Ивановича, прибавил шаг, встал между ним и братом:

— Малость поправляются дела. За два месяца многого не схватишь, но всё ж таки кое-что привёл в порядок. Двух мёртвых душ из правления выставил. Теперь у нас завхозом Иван Григорьич. Вот на животноводстве ещё безобразия большое. С Пацюком неладно. Вы их на собрании продерите крепче, чтоб почувствовали... Мы же, имейте в виду, не готовились нисколько, у нас всё начистоту. Иван Григорьич говорит мне вчера: «В бане у нас грязно, может, послать девчат, пусть приберут? А я ему: «Очковтирательством заниматься? Брось! Сам поведу, покажу». Фёдор Сторчак начал было пшеницу из сеялки выбирать: как сеял озимку, так и осталась, проросла в ящике. Я наскочил. «Отставить! — говорю. — Раньше надо было это

делать. Проросла, так нехай уж и заколосится к приезду комиссии».

— Ничего, — сказал Андрей Савельич. — Мы им сегодня всыплем. Да и тебе за одно, чтоб не распускал вожжи. Это же позорище — быку хвост оторвать!.. Ну, пойдём к амбарам, показывай семена.

* * *

Холодный декабрьский день. Над хутором плывут серые тучи. Срываются снежинки. Ветер меняется: то вдруг дунет порывом с севера, то повернёт с запада, то совсем утихнет. Тучи опускаются ниже, сразу темнеет, будто уже вечер. Что-то готовится в небе. Ночью, вероятно, повалит снег, завьюжит, ляжет зима.

Михайло Потапович Коржов, застегнув плотно на все крючки полушубок, ходит по инвентарному двору между рядами сеялок, борон и культиваторов. От него не отстают ни на шаг кузнецы «Красного Кавказа», колхозники, детвора — всего человек с полета. Коржов среди них — огромный, плечистый, на голову выше самых высоких хуторян.

— Завхоз! Иван Григорьич! — кричит он. — Ты их нарочно подговорил, чтоб не давали осматривать? Скажи, нехай расступятся, невозможно ни к чему подойти.

Инвентарь в колхозе «Красный Кавказ» отремонтирован к весне уже полностью. Это нравится Михайле Потаповичу. Хорошо, рано управились. Насчёт сохранности инвентаря — тоже неплохо. С трёх сторон двор огибают длинные навесы под дранью, построенные этой осенью. Есть куда закатить машины в непогоду.

— Вы сегодня же и приберите всё туда, — говорит Коржов завхозу. — Вишь, снежок срывается.

Но вот Михайло Потапович задерживается возле одной конной сеялки. Он опускается на корточки, внимательно разглядывает болтик, прижимающий к пальцу диск одного из сошников, просит у кузнецов ключ, пробует гайку ключом. Так и есть. Болт с левой резьбой, гайка прикручивается по ходу диска. При первом же заезде в борозду гайка привернётся доотказа — и диск не будет вращаться. Михайло Потапович указывает кузнецам на их оплошность. Те соглашаются. Один бегом мчится к кузнице, приносит оттуда другой болт и тут же заменяет негодный. Но Коржов не встанёт, сидит под сеялкой, перебирает сошники, что-то сообщает.

— Вы скажите по совести, — оглядывается он через плечо на старшего кузнеца «Красного Кавказа» Трофима Мироновича Кандеева, — что вы делаете, когда палец в диске подрабатывается? Прокладкой обрачиваете?

— Ну да, — отвечает Кандеев.

— Жестянкой?

— Жестянкой.

— И на тракторных так?

— И на тракторных.

— Вот через это у вас и сев получается такой, будто бык по дороге пописал, — говорит Коржов и встаёт. — Хоть вас тут, кузнецов, и десять человек, а стало быть, не додумались. Прокладка — дерьмо! Либо завернётся так, что совсем заест, либо за два дня сотрётся, и опять диски будут болтаться.

— Так иначе никак не приспособишь, — отвечает Кандеев.

— Надо насаживать палец.

— Да как же ты его насадишь, когда он стальной да ещё цементированный?

— Можно. Не молотом, конечно. Легонько, осторожно.

— Нет, нельзя, — упирается Кандеев. — Как ни осторожно, — всё равно рассыплется.

— Нельзя?.. Снимай одну диску, пошли в кузню!

Спор разрешается у горна. Кандеев дует мехом, Коржов становится за наковальню.

— От двери отойдите! — кричит завхоз Бутенко колхозникам, нахлынувшим в кузницу и затемнившим свет.

Коржов закладывает в огонь палец диска, снимает полшубок. Шум и разговор в кузнице утихают. Скрипит ручка меха, шипит пламя, вырывающееся длинными, острыми язычками из-под груды углей. Уловив момент, чтоб не перегреть, Михайло Потапович вынимает клещами из горна палец, склоняется над наковальной. Точно рассчитанными, чёткими, несильными ударами молотка он насаживает палец. Пять минут назад ему не жарко было и в полшубке, а сейчас он в одном пиджаке и на лбу его блестят капельки пота. Взгляд Коржова напряжён, губы плотно сжаты — серьёзный момент для репутации первоклассного мастера... Не давая пальцу остыть, Коржов снова греет его, снова осторожно постукивает молотком, проделывает эту операцию раза три, наконец бросает палец в перегоревшую жужелицу, выпрямляется во весь рост, чуть не достав головой до потолка кузницы, и вытирает рукавом пиджака лоб...

Все кузнецы поочереды обмеряют остывший палец кронциркулем. Палец раздался миллиметра на два — столько, сколько и нужно. Чуть оправить напильником — и всё.

Не надо никаких прокладок.

— Ну? — торжествующе говорит Михайло Потапович — Рассыпался?.. Запиши, Петро Кузьмич! — обращается он к сопровождающему его колхознику из «Маяка». — Было б хоть на литру поспорить! Вот если переделаете так все диски, совсем другой сев у вас получится по прямолинейности.

— Да, придётся, пожалуй, переделать, — соглашается немного смущённый Кандеев. — Спасибо, сосед, за науку.

У борон Коржов сразу берёт ключ и начинает подкручивать ту же все гайки на зубьях. Почти каждая гайка оборачивается в его руках ещё раза два.

— Что ж это вы не дотягивали? Не годится. Разболтаются на кочках.

— Да не может быть! — удивляется Кандеев. — Я сам проверял — хорошо было. Это же ты тянешь не по-человечески.

Кандеев накладывает ключ на гайку, тужится изо всех сил, но гайка дальше не подаётся. Коржов берёт у него ключ и без особого напряжения обкручивает ту же самую гайку ещё два раза.

— Слабо, слабо, сосед!

Все смеются, смеётся сам Коржов, смеётся Кандеев.

— Вот бы у кого силёнки занять!

— На семерых хватило бы!

— Нет, Михайло Потапыч, — говорит Кандеев, — ты уж этого нам не засчитывай. Нельзя по твоей силе равнять. Ты у нас, может, один такой на весь Краснодарский край.

— Ладно, — усмехается Коржов. — Нехай не в счёт. А вот это уже в счёт, — поднимает он с земли одну боронку.

Боронка перекошена в раме, зубья кривые, не оттянутые. Все кузнецы недоумевающе пожимают плечами. Борона, как видно, совсем не была в ремонте. Как она попала сюда? Вероятно, кто-нибудь из бригадиров недавно нашёл её где-то и приволок сюда, в общую кучу.

— Ну, это нам неизвестно, как она попала, — говорит Коржов. — Дело ваше, разбирайтесь, — он отцепляет борону от ваги, поднимает её и швыряет через головы колхозников к дверям кузницы. — Вот там ей пока место. И не говорите никому, что на сто процентов инвентарь отремонтировали. Запиши, Петро Кузьмич! Ну, что у вас ещё есть? Показывайте.

...На животноводческих фермах, куда пошли Сергей Замятин, Василиса Абраменко, свиноводка Мотя Сердюкова и конюх Максим Петрович Дронов, собралось народу столько, что, когда комиссия проходила по свиноводнику или коровнику, за нею тянулся хвост сопровождающих от входа до выхода. Собрались здесь все колхозники, работающие на фермах, — доярки, скотники, свиноводки, сторожа, водовозы.

Гости знали уже из рассказов своих колхозников, бывавших раньше здесь, что животноводство — самая отсталая отрасль в колхозе «Красный Кавказ». В этом им теперь пришлось убедиться воочию. Постройки им понравились — стандартные, кирпичные, крытые железом, но — и только. Снаружи поглядеть красиво, а внутри — куча беспорядков. Видимо, ещё в первые годы коллективизации кто-то тут брался всерьёз за развитие животноводства, а потом руководители сменились, другие меньше обращали внимания на эту отрасль — животноводство пришло в упадок и часть капитальных построек осталась даже не занятой скотом. Слышали гости нелестные отзывы и о самом нынешнем заведующем животноводством Пацюке. При нём за последнее время особенно плохо стало на фермах. Но Пацюка не было среди хуторян, окруживших гостей.

— Где же Пацюк? — спрашивала Василиса Абраменко. — Разве ему не известно, что проверка происходит?

— Как неизвестно? Известно...

Не понравились гостям ни молочная, ни овцеводческая фермы. На молочной ферме скот грязный, тощий, продуктивность фермы низкая. На овцеводческой полсотни овец, громкое только название — овцеводческая товарная ферма, — и овцы плохие, всякая смесь, беспородные. Но пузе всего раскритиковали гости свиней, когда очередь дошла до свиноводческой фермы, — мелко-рослых, горбатых, на которых было больше щетины, чем сала.

Мотя Сердюкова, дома у себя ухаживающая за чистокровными «англичанками», поглядела на хуторских свиней, сокрушённо покачала головой и поджала губы пренебрежительно:

— Я считала, что простых свиней уже во всём свете нету, а они ещё, оказывается, не перевелись. Ну, зачем вы держите эту пакость? Не пора ли завести племенных?

Василиса Абраменко всё засматривалась на одну рябую матку, длинноногую и поджарую, лёгкую в ходу, как гончая собака, и хохотала:

— Не эту ли свинку мы гнали сегодня машиной? Ой, бабоньки, не поверите, какое чудо было! Стали в хутор въезжать, она откуда ни возьмись выскочила на дорогу и — поперёд машины. Шофёр жмёт километров на шестьдесят, а она и того больше. Гнались, гнались, так и не догнали. Животы порвали было со смеху. Точь-вточь такая ж рябая. Я говорила: вот кабы достать и нам таких на завод, наши охотники ходили бы с ними зайцев ловить.

Сергей Замятин сказал:

— У нас если бы показать её, так собрались бы все, как на зверинец. Подумали б, дикая.

А Максим Петрович Дронов ходил, заглядывал в базки и молча плевался, чем окончательно вывел из терпения свиначок.

— На лысину бы нашему Пацюку плюнул! — сказала одна из свиначок, Авдотья Сушкова, сурового вида женщина, худая, высокая, с густыми чёрными, сросшимися над переносицей бровями. — Ему, чорту, плюнь, может, пособится! — и, задетая за живое насмешками гостей, начала говорить горячо, возмущённо: — Вы, товарищи, не хвалитесь вашей скотиной, а скажите: руководители у вас хорошие. Да! Нам это тоже не очень приятно слушать. Кто б ни приехал на ферму, все издеваются над нашими свиньями. Зайцев гонять! Пацюк у нас такой, что с собаками его не догонишь и не сыщешь, где он пропадает. Вот вам наглядно: заведующий животноводством, к нему комиссия приехала, а он сбежал, спрятался, должно быть, от стыда... Мы ему за племенных свиной голову уже прогрызли. Люди ездят, достают, в совхозе вон продавали, в колхозах есть, надо только побеспокоиться. Как пень! Разве ему до этого? Волосья уже повывлезли от водки!

Все стали изливать обиды на Пацюка:

— На голом цементе свиный спят и нечего подстилать, нету соломы. В степи гниёт, жгут её там, а сюда не подвозят. Разов сто уже говорили об этом Пацюку!

— И зачем только поставили его сюда? Совершенно не интересуется этим делом человек!

— Да нет, он сначала взялся было крепко, да скоро охолонул...

— Оторвался от массы. Головокружение получилось...

Среди колхозников, собравшихся вокруг комиссии, был дед Абросим Иванович Чмелев, ночной сторож. Маяковцам, хорошо знавшим всех хуторян, Чмелев был известен как

дед, невоздержанный на слово, злой и ругательный, но болеющий душою о хозяйстве.

— Ну, а ты, Абросим Иваныч, чего расскажешь нам? — спросил его Дронов. — Почему у вас так плохо дела идут? Что тут такое получается с Пацюком? Ты же тоже с этой отрасли? Здесь сторожуешь? Должен знать.

— Ничего зараз не скажу, — отмахнулся дед. — Смотрите сами. Ничего не скажу... — и объяснил, немного помолчав: — У меня такой характер, если сейчас начну, тогда весь за ряд прежде времени выйдет и на вечер не останется. Не хочу! Я на собрании расскажу вам всё до тонкости, в чём тут у нас гвоздь забытый. Я уже давно этого собрания жду. Разве тут один Пацюк? У-у, с-сукины сыны, до чего распустились!..

И больше Абросим Иванович не стал ничего говорить. Он ходил только следом за комиссией и поддакивал, когда гости замечали какие-нибудь непорядки. А гости придирались ко всем мелочам.

— Что это у вас сено сложено так близко к коровнику, под самую крышу? — спрашивал Дронов.

— Во, во! — обрадованно вставлял дед Чмелев, — скажи ещё ты, я им, анафемам, уже говорил.

— А разбрасывается кормом так, как будто на второй сенокос надеется, — замечала Василиса Абраменко, подбирая с земли оброненный кем-то порядочный клоч сена.

— Так, так! — поддакивал дед. — Вы ещё полюбуйтесь, как у нас силос берут. Устлали всю дорогу силосом. А кабы вы поприсутствовали, когда у нас коров доят. Бьют скотину, матюкаются! Из-за одного такого обращения понимающая корова молока не даст!..

— Это ж кто у вас так отличается? — спросил Дронов.

— Да кто — вот Анютка первая...

— Ах, боже твоя воля! Абросим Иваныч, — всплеснула руками покрасневшая до слёз доярка Анна Кудрикова, — что ж ты меня срамишь перед людьми? Когда ты слышал, чтоб я ругалась по-матушке?

— Что ругалась, — не слышал, а как била корову лопатой, — видел.

— Та-ак! Запиши, Сергей! — с нарочитой строгостью сказал Дронов, подмигнув Замятину.

— Куда запиши? — подскочила к Сергею Кудрикова. — Меня? Это я одна, значит, буду отвечать за всё? А как Манька Федотова била, — ей ничего? А Маришка — никогда

своих коров не чистит и вымя не обмывает! Это как? Меня только видно?

Смех, шум. Марина Петрова кричит:

— Не чищу, потому что некогда: твоих коров всегда доить приходится! Ты вот объясни людям, почему ты по три дня на ферму не являешься? Торговля тебя завлекла? В Сочи всё ездить — с яйцами да с маслом?

— Ну, ладно, хватит об этом. Тише, девчата! — успокаивает Василиса Абраменко. — Расскажите вы нам теперь ещё вот что. Как же это у вас получается, что до сих пор план молокопоставки не выполнили? Сколько вы надаиваете молока? Кто у вас бригадиром на мэтэфе? Чичкин? Макар Емельяныч, ну-ка пойдё сюда ближе. Чем вы кормите коров? Как? По норме или от брюха? Всем одинаково?.. Сколько коров поставили на индивидуальное кормление? На раздой? Ни одной?! О-о, это, значит, у вас такие порядки, как ещё при царе Горохе хозяйновали мы!

...А в это время Капитон Иванович с Дядюшкиным и Пашей Кульковой в одной из полеводческих бригад, собрав колхозников, беседовали с ними о подготовке к весеннему севу. Они вникали в хозяйственные планы бригады так детально, будто им самим предстояло здесь работать целый год. Спрашивали, сколько каких культур будет сеять бригада, как подготовлена с осени земля, правильно ли размещены поля по севообороту; проверяли, как укомплектованы звенья — добровольно ли сходились колхозники в звено или бригадир сам, просто по списку, назначал, кому с кем работать. Было и здесь немало смеха и шуток, от которых многих бросало в пот, особенно когда Капитон Иванович, имевший как заведующий агролабораторией в своём колхозе пристрастие к науке, налёг на проверку агротехнических знаний посевщиков и звеньевых, а там добрался и до бригадира. Оказалась самым слабым местом в хуторском колхозе учёба. Он-то и вопросы ставил нелёгкие, но и ответы некоторые были до того уж несуразные, что Капитон Иванович в конце концов сказал:

— Может быть, вы, товарищи, робеете, что нас тут много собралось? Так как же вы говорите, что в сороковом году обязательно на Выставку поедете? Там же ещё больше народу сойдётся. Совсем растеряетесь да такой чепухи нагородите, что и слушать будет стыдно, прогонят вас из Москвы!..

Они управались позже всех. Обошли все бригады, осмо-

трели агролабораторию, поглядели в амбарах семена, заходили на квартиры к колхозникам и кончили свою работу в конторе: подсчитали по отчётам урожайность и доходность разных отраслей, расход трудодней и прочее, чем нужно было подытожить проверку соцдоговора.

Капитон Иванович исписал весь свой блокнот. Он посерьёзней, не шутил больше, стал молчалив и сосредоточен, расспросил лишь Коржова, Василису Абраменко и Замятина о результатах проверки по их отраслям, записал себе ещё кое-что и больше до самого вечера ни с кем ни о чём не говорил: готовясь к собранию, обдумывал, что надо будет сказать. Дядюшкин-младший перед собранием пригласил всех колхозников «Маяка революции» пообедать в клуб, где в одной из комнат накрытые столы давно ждали гостей. Капитон Иванович и там, выпив две стопки водки, покраснел только, но не разговорился. Ел мало. Сидел за столом недолго, встал, отошёл в сторону, к окну, и, пока продолжался обед, похаживал молча из угла в угол.

Коржов, указывая на него, подмигнул Дядюшкину-младшему:

— Сочиняет на вашу голову. За вашу хлеб-соль...

* *

*

В зале клуба шумно и весело. Духовой оркестр — гордость хуторского колхоза, живущего на отшибе, вдали от всяких благ станичной культуры, играет вальсы и польки — нестройно, фальшиво, но с таким оглушительным треском и грохотом, что даже лампы мигают. Девчата танцуют впереди, в свободном от скамеек кругу...

— Видал? — кричит на ухо брату Дядюшкин-председатель, указывая на оркестр. — Это уже моё начинание.

— Дело неплохое, — отвечает Дядюшкин-бригадир. — Штука в колхозном хозяйстве нужная... А чего они так тянут в разные стороны, как козла дерут?

— Не напрактиковались ещё. Я их недавно только стал допускать сюда, а то всё ходили в лес, подальше от людей, там репетировались. Ничего, подучатся!..

На дворе уже темно. Разбушевался холодный ветер, валит снег. Колхозники, входя в клуб, топчутся на пороге, сметают снег с сапог, отряхивают шапки. Шофёр «Маяка революции» Федя Малюк тревожно поглядывает в окно: как оно там, не занесёт ли дорогу, куда соберутся ехать домой?

Скамейки в клубе уже заняты, а народ всё подходит.

Дядюшкин, поднявшись на сцену, оглядывает зал. Собрание будет необычное. Несмотря на плохую погоду явка, как никогда, — если не все сто процентов, то около этого. Он делает знак капельмейстеру, чтобы прекратил музыку, снимает свою кавалерийскую с синим околышком фуражку, кладёт её на стол, приглаживает руками встрёпанные волосы.

— Начнём, товарищи! — говорит он.

После выборов президиума Дядюшкин не сразу покидает сцену, задерживается на несколько минут, чтобы объявить повестку дня и «направить» собрание:

— Сегодня у нас, товарищи, один вопрос — проверка соц-договора. Докладывать будут наши гости. Просьба соблюдать тишину. Семечки можно отставить на время, давайте потерпим немножко. Девчата! Вы что ж задом наперёд к президиуму повернулись? Феклуша! Настя! Вы куда пришли? На посиделки? Сядьте акуратней. А это что за пацаны в углу? Чего вы сюда забрались? А ну, живо домой спать! Пропустите их там. Вот активисты какие, ни одно собрание без них не обойдётся! Ну, можно начинать, Семён Трофимыч! Руководи.

Председательствует на собрании бригадир Семён Трофимович Елкин, человек средних лет, хмурый, небритый, с прокуренным, хриплым басом, в очень растрёпанном одеянии. На нём грязная ватная стёганка, под ней пиджак, засаленный и рваный, длиннее стёганки на ладонь, ещё длиннее рубаха, не убранный в штаны, — всё это нараспашку, без пуговиц. На голове у Елкина кепка из телячьей шкурки, местами совершенно облысевшая, с надломленным, отвисшим книзу козырьком. Он никогда не снимает её, а лишь передвигает со лба на затылок и обратно. Сейчас Елкин насовывает кепку наперёд и немного набок, чтобы защитить козырьком глаза от яркого света большой керосиновой лампы, стоящей на столе, и предоставляет слово комиссии.

Со скамейки первого ряда, отведённого для гостей, поднимается Коржов и идёт на сцену. Он с трудом протискивает своё огромное тело в узкую дверцу, за кулисами в тесноте задевает что-то плечом и роняет с грохотом на пол, чем вызывает сдержанный смех в зале. При выходе из-за кулис к столу опять застревает в дверях декораций, отчего жидкие фанерные стены трясутся и, кажется, вот-вот рухнут. Смех в зале возрастает. Наконец, красный, смущённый, Коржов, рванувшись, преодолевает последнее препятствие,

оставив на дверной скобке кусок меховой оторочки полушубка, и становится у стола президиума, выпрямившись на просторе во весь рост.

Капитон Иванович, обернувшись к колхозникам, объясняет: — Мы решили так: сначала по отраслям, а потом — в целом. Не возражаете?

— Не возражаем! — отвечают из зала. — Дело ваше.

Коржов достаёт из кармана полушубка записную книжку. В зале стихает. Слышно, как ветер сеет снег в окна. Николаю Савельевичу приходится ещё раз пожалеть, почему не все собрания проходят, как с приезжими людьми, — при таком полном сборе, тишине и внимании.

— Не разберёшь чужую руку, — говорит Коржов, перелистывая записную книжку. — Это Петро Кузьмич тут записывал... Ну, ладно, я вам словесно расскажу, у меня рассказ будет короткий. Проверили мы, стало быть, с Петром Кузьмичом весь инвентарь. Ну, что? Инвентарь отремонтированный, хоть сегодня выезжай на посевную. Прибрать есть куда, помещений хватает. Вот не знаю только, — Коржов поглядывает на чёрное окно, за которым бушует метель, — прибрали или нет? Днём ещё на дворе был.

— Прибрали, — отвечает завхоз Бутенко.

— Тогда, стало быть, всё... Против качества тоже ничего сказать не могу, качество ремонта хорошее. Нашёл я, правда, одну боронку: зубья, как колючки у ежа, во все стороны торчат, не была совсем в кузне, а причислена туда же, к отремонтированным, но это, похоже, у них ошибка вышла, просто забыли про неё. Ладно... Потом ещё получилось у нас с кузнецами пари.

— Что получилось? — вопрос из зала.

— Какие пары?

— Пари, говорю. Поспорили, стало быть, как лучше пальцы в дисках подгонять, — Коржов находит глазами Кандеева. — Вот с ним. Ну, это дело наше, мастеровое. Оно и так, как Кандеев ремонтировал, годится, все так делают, а как я показал, — ещё лучше, сев будет прямее. А нам, кузнецам, как я понимаю, нужно думать не только о том, как железяку загнуть, а и об агротехнике. Правильно, товарищи кузнецы? Вот... Ну, плуги, культиваторы, прицепы — это тоже всё есть. Вагончик для трактористов имеется... Ещё хотел я сказать насчет бричек. Очень мне понравилось, как у вас обстоит дело насчёт ходов. В вашем колхозе на каждую пару тягла есть новый ход, даже с излишком, — запас

имеется на молодняк. Хорошо! Я бы на месте правления премировал ваших колёсников, как лучших стахановцев. Заслуживают этого. Поставили, можно сказать, колхоз на колёса. Вот я и своим хочу посоветовать. Капитон Иваныч! Ты, стало быть, как член правления, учти это. Можно и нам так. Послать в горы колхозников, нехай заготовят побольше ободьев, ступок, и сделаем сами — не хуже фабричных будут. Что, у нас колёсников нету или оковать не сможем? Сделаем десятка три бричек и выйдем из положения. А то мы всё на сельхозснаб надеемся, а там таких заявок, как наша, — тыщи!

— Вопрос к Коржову! — раздаётся голос с первой скамейки, где сидят маяковцы: — А чем они свои брички мажут?

— Ну, мажут известно чем — колёсной мазью, — отвечает Коржов. — Нет, тут не подкопаешься, надо правду говорить, уход за инвентарём хороший, не мешало бы и нам поучиться!

— Ещё вопрос! — поднимается один из кузнецов «Красного Кавказа». — А как у вас, товарищ Коржов, с ремонтом инвентаря?

— Нельзя сказать, чтоб уж очень хорошо, — отвечает Коржов, — но и не так-то плохо: если приедете в следующее воскресенье, кончим к тому времени. У нас же кузнецов не столько, как у вас, но всё равно кончим. Хода нас мучают, как я уже говорил, а так — сеялки, бороны, это, стало быть, готово. Короче сказать: хвалиться не буду. Приедете, посмотрите сами...

Больше вопросов нет. Коржов поворачивается и идёт на место.

— Мало, мало! — качает головой Капитон Иванович. — Плохая у тебя добыча, Михайло Потапыч! Ты случаем не перехвалил их?

— Нет, не перехвалил, — отвечает Коржов, спускаясь осторожно по шатким ступеням сцены. — Ничего не поделаешь, Капитон Иваныч! Знаешь, как в сказке про два мороза: один пошёл богатого душить, а другой — бедного. Так тот, что бедного, тому трудней досталось — не одолел. Бедный рубит дрова, греется, и мороз его не берёт. Так и мне, стало быть, сегодня пришлось. Самую трудную работёнку дали, где у них крепче всего.

— Душил, душил — не берёт?

— Не берёт! И я не в силах. Раз хорошо, как же ты на него скажешь плохо?

...На сцене у стола — доярка Василиса Абраменко. После

спокойной, медлительной речи Коржова, которую в задних рядах плохо даже было слышно, в зале раздаётся бойкая скороговорка круглолицей, румяной казачки. Голос у неё звонкий, «пронзительный». Дома у себя тётя Вася — лучшая запевала в колхозном хоре. Ей мешают говорить тёплые платки, которыми она закуталась, едучи сюда. Василиса Степанова разматывает их, сбрасывает и ватную кофту. В клубе уже становится жарко: надышали. Кладёт всё, не прерывая речи и не оборачиваясь, на край стола. Председательствующий Семён Елкин опасливо поглядывает на неё из-под надломленного козырька кепки, осторожно подвигает одежду дальше, чтоб не свалилась на пол. По рядам колхозников проходит оживление.

— Или оно вам не болит? — говорит возмущённо Василиса Степановна, бросая недобрые взгляды на председателя и завхоза «Красного Кавказа». — Или из вас, из руководителей, никто туда не заглядывает? Какие постройки, сколько капиталу вложено! Для чего же было тогда и утрачаться и строить это всё? Срам сказать: по пятьсот литров молока от коровы взяли! Хорошая коза больше даст!.. Бедные животныи! Поглядели мы ваших коровок — прямо сердце болит. Грязные, в сырости стоят, окна соломой позатуляны. И ещё их же и виноваты! Спрашивали доярок: почему такой низкий удой? Говорят: «Коровы плохие». А вот я хотела бы ещё вашего животновода спросить: как он понимает? Вот только беда — не можем найти его. Целый день ищем. Где он есть? Никита Алексеевич! Ты тут?

— Тут! — отвечает за Пацюка враз несколько голосов из дальнего угла.

— Ну, слава богу, а то мы уже думали, может, побёг на Кубань топиться со стыда.

— Эге! — подаёт кто-то реплику. — Заставишь его! Он у нас не дже совестливый.

— Так что ж за причина, Никита Алексеевич? — продолжает Абраменко. — У нас две тыщи литров, а у вас — пятьсот. Кто виноват? Коровы?

— Бугай... — негромко, вполголоса, отвечает один из колхозников «Красного Кавказа» с явным намёком на что-то всем известное и, поперхнувшись, закашливается. Вокруг вспыхивает смех.

— Может, и бугай, вам лучше знать, но коровы не при чём. Коровы у вас неплохие; свиньи, верно, ни к чорту. Крысы, а не свиньи. Давно бы уже надо сбить их и завести племенных, чтоб и корм зря не переводить, а коров

хаять не приходится, коровы хорошие—есть и немки и сим-менталки такие, что раздоить, — по три тыщи литров дадут. Но откуда ж ему быть, молоку? Рациона правильного нету, кормовые единицы не учитываются. Стали спрашивать дояр-рок и бригадира, а они смотрят на нас, как на иностранцев: что это за диковина — кормовая единица? Им эти слова совершенно даже непонятные. Вот навоз — это понимают, потому что по колено в навозе ходят и коровы и доярки... Эх вы! Ещё соревнование с нами заключили! Куда вам с нами тягаться!

— Разрешите спросить у животновода, — встаёт Максим Петрович Дронов. — Ответь на вопрос, Никита Алексеич: можно ли складывать сено к коровнику под самую крышу? А если цыгарку кто бросит, — и сено сгорит и коровник? Отвечай. Да где же он есть? Пацюк!

— Есть такой, — поднимается в заднем ряду Пацюк, полный, с длинными украинскими усами мужчина, в кубанке набекрень. — Чую. Где ж там под самую крышу? Вы бы очки надели.

— А ты не сердчай, Никита Алексеич! — оборачивается к нему Дядюшкин-председатель. — Терпи! К чему это очки? Нехорошо. Отвечай по существу.

— Э-эх, мать его растак!.. — срывается с места дед Абросим Иванович Чмелев, пробирается между рядами скамеек и идёт к сцене.

— Куда ты, дед? — машет на него рукой Семён Елкин. — Куда? Вернись, рано ещё. Прения ещё не открывали.

— А мне оно и не нужно, твоё прение, — отвечает дед. — Настигло время сказать — и скажу, и не перебивай меня, ради Христа, а то брошу, — дед останавливается. — Как же я этого не люблю, ну вас к чортовой матери! Когда б ни начал, — то, говорят, какой-ся рыгламент не вышел, то не открывали ещё, то уже закрыли. Тьфу, чтоб вы провалились!.. — поворачивает обратно.

— Так ещё комиссия не кончила. Нельзя, Абросим Иваныч, порядок ломаешь, — убеждает Елкин.

— Ничего, дайте сказать деду, — говорит Капитон Иванович. — Мы подождём. Иди, иди, Абросим Иваныч!

— Валяй, Абросим Иваныч!

— Дать деду слово! — несётся из зала.

— Ладно, нехай выскажется, — говорит Елкину Дядюшкин. — Ты, Абросим Иваныч, только поприличнее выражайся. Тут женщины.

— А это как придётся, — отвечает дед. — Не ручаюсь, — и идёт к сцене.

— Граждане колхозники колхоза «Красный Кавказ», — начинает Абросим Иванович пространно и торжественно. — До каких пор будут приезжать к нам люди и колоть нам глаза нашим животноводством? Может, оно вам, верно, не болит, как вот гражданка Абраменкова сказала, но мне болит, потому что, хоть моё дело и маленькое, я сторож, но причисленный к этой отрасли и считаюсь как работник животноводства. Ей богу, истинно говорю вам: терпение уже лопается!.. Тут спрашивали, кто виноватый, вот и я как раз об них хочу сказать, об этих самых сукиных сынах, кто довёл наше животноводство до ручки, растак их... кмх! Да... У меня должность такая: хожу кругом двора, звёзды считаю и чего-чего только не передумаю за ночь! Припомню, и что раньше было, ещё до извержения царя, и войну, и вот стану сам с собой рассуждать: что у нас такое в нашем колхозе с животноводством получается? Прочее хозяйство в гору идёт, а животноводство — вниз. В чём тут гвоздь забитый? Да в самих руководителях, по-моему! Сколько уже у нас заведующих переменялось! Миллиён! И всё bestолку. Прямо не везёт нам на них, либо место у нас такое, богом проклятое. Был Стёпка Журавлёв — этот сукин сын, барбос, начал выручку за молоко пополам делить: половину — в кассу, половину — в карман. Скинули его, судили, назначили Фадея Кузьмича. Кузьмич полгода проработал — помер. Ну, царство ему небесное, это со всяким может случиться. После него поставили Гаврилу Отрыжкина. Такой был захудалый да большой; подкормился сливками — начал выбрыкивать, дояркам проходу не даёт, прямо удержу нет. Скандалы у нас каждый день, мужья ревнут, жён терзают. Скинули и Отрыжку. После Отрыжки ещё штуки три сменилось, и всё такие же: либо не в курсе, либо с какой-ся придурью. Назначили, наконец, нам Никиту Пацюка. Ну, думаю себе, этот поведёт. Парень нац, красный партизан, командиром взвода был у нас в отряде, а я у него во взводе ездовым был. Человек пожилой, с понятием. Ну, и что ж из него получилось? И этот старый козёл туда же повернул, по отрыжкиной пути пошёл!

Абросим Иванович призадумывается:

— Может, оно и неприлично здесь о таких вещах говорить, да приходится. Кабы общественное дело не страдало, —

чорт с тобой, гуляй. А то как раз из-за этого и хозяйству разор... Я так и не придумаю, в чём тут гвоздь, почему они у нас все одной болезнью болеют? Либо от безделья — не может человек правильную линию найти, в чём его хвунция как заведующего заключается, и начинает от скуки дурить, — либо на самом деле молоко — такое вещество, если много его употребить, действует на людей? Не знаю, мне без малого семьдесят, на меня уже не действует. У меня ещё с тысяча девятьсот...

— Тш-ш!.. Абросим Иваныч! Ну, зачем ты это? — обрывает его Дядюшкин. — Можно и без подробностей. И так понятно.

— Ладно. Притормозил... Об чём я говорил? Фу ты, чтоб тебя холера задавила, перебили... Да, насчёт Пацюка! Ну, так вот не могу сказать, какая этому причина, но только и Никита Алексеич наш по той же дорожке пошёл. Была у нас в хуторе спекулянтка-единоличница Лизка Моргунова, и он, красный партизан, колхозник с двадцать девятого года, с той единоличницей спутался! И до чего ж хорошего это довело? До рукопашного бою. Вот тут, прямо перед клубом, на улице. Жинка его ходила вечером по воду, а он тут с Лизкой свиданничал, ну и получил коромыслом по горбу. Начал было отступать, спрятался за плетень, она его и там настигла — да цыбаркой по голове! А цыбарка была с водою. Изувечила её, цыбарку, сбила в лепёшку. Народ кругом, тюкают... Ну, какой от него теперь будет авторитет? Придёт на ферму, станет дояркам что-нибудь указывать по работе, дельное говорить, а они: «Гы, гы!.. Никита Алексеич! А цыбарку выпрямили?..» И хотя бы после этого уже покаялся! Нет, продолжает! Только теперь уже не дома, а в отдалённости, больше по хуторам. Всё разъезжает. То силосорезку вроде ищет, то сепаратор, говорит, продаётся где-то по случаю, а сам до вдовушек. Это уж я доподлинно знаю. Рассказывали ребята с Вербового, что там наш Никита Алексеич выдeldывает, когда приезжает. Жинка его тут? Присутствует? Ну, извиняйте, из песни слова не выкинешь. Я бы, может, и не стал всего объяснять про своего командира бывшего, да само дело заставляет. В общем ты, Настя, не дже улажай его, когда он приезжает ночью домой да говорит: ездил аж на Пасечный хутор, замёрз, проголодался. Его там без тебя и поят и кормят.

В переднем ряду, где сидит жена Пацюка Настя, шум, возня;

Настя порывается встать, хочет, видимо, пробраться назад, к мужу; её удерживают, успокаивают. Елкин призывает к порядку, стучит карандашом по столу. Дед Чмелев продолжает:

— Ну, это — ещё не всё. Второе — начал наш Никита пьянствовать. Рассобачился окончательно. Пьёт, по-старому сказать, как перед страшным судом. Праздник, будень — ни с чем не разбирается. Патефон, солёный огурец — больше ему ничего не нужно. Доносят ему: пропали быки, те, которыми сено подвозим, ушли с попаса — с горя пьёт; нашлись быки — с радости; издохла корова — поминки справляет, отелилась — родины. Так и идёт у него конвейером. А на фермах тем часом коров не чистят, корм переводят; две траншеи силоса погноили — подплыл водой; бураки по морозили, на телят понос напал, на телятниц — столбняк какой-ся: станет в дверях против солнышка, руки в боки упрёт, семечек на губы навешает и стоит, поплёвывает с утра до вечера. Матери его чорт с этойкой работой!.. И бригадир у нас на мэтэфе такой же, Макар Чичкин. Вот он сидит, полюбуйтесь на него — лодырь из лодырей. Может, станешь, Макар, отказываться? Куда там отказываться, я всё правильно говорю. Разобьют коровы корыто — целую неделю будет плотников ждать, сам ни за что за топор не возьмётся. «Не моя, — говорит, — хвункция». Говорил я Пацюку: «Не ставь ты ради бога, Макара! Это же ни рыба ни мясо, никакого с него навару не получится!» Нет, назначили. По-правились ему, должно быть, тем, что водку глушит не хуже его... Вот тут гражданка Абраменкова называла разные такие слова, что нашим дояркам не известные, — рацивон и всё такое. Да откуда же нам их знать? Или, может, у нас на фермах собрание когда бывает, или курсы проводятся, чтоб научить людей, рассказать им, что и как? Ничего такого нету. Никакой массовой работы; самая, можно сказать, голая администрация. Забегут с утра на минуту Пацюк с Чичкиным, покричат, пошумят. Глядишь, уже смыслёс. Так и знай: либо сепаратор поехали вместе покупать либо патефон уже накручивают.

Абросим Иванович оглядывается через плечо на Елкина:

— Как там, рыгламент ещё не кончился? Скоро начнёшь тархатеть?

Из зала единодушно отвечают за Елкина и колхозники «Красного Кавказа» и гости:

— Не кончился!

— Продлить деду!

— Продолжай, Абросим Иванович!

— Ну, ладно. Хотел я ещё рассказать про кобылу Зорьку... Ведь это, что хвост быку оторвали, это же у нас случилось на животноводстве. У нас тут так: что б ни стряслось, — где? На животноводстве. Бабы поскандалили — где? У нас. Волки жеребёнка разорвали — у нас. Быка покалечили — у нас. Каждый день происшествия!.. Что придумали, сукины сыны, обормоты, Митька Стороженко и Васька Пеньков! Связали быков хвостами, поставили зад к заду и давай хлестать — за спором, чей перетянет, — покуда и оторвали хвост одному. Судить надо подлецов! Но этого мало, я хочу сказать: в чём тут гвоздь, откуда они такой пример взяли? Да от самого же заведующего! И он так же издевается над худобой. Была закреплённая за Пацюком кобыла Зорька, вы её все знаете, молодая кобылица, шустрая такая. Дали ему её как заведующему: «На, ездить по делам, куда тебе нужно, только береги её». Ну, и что ж? Загнал! Мотается, мотается по хуторам, силосорезку ищет. Уже и силос давно набили, а он всё ищет. Вернётся ночью домой, бросит её на дворе осёдланную, привяжет с пьяных глаз когда не до собачьей будки, так до той метлы, что Настя у порога заметаёт. Ходит Зорька по огороду до утра, метлу за собой тягает, заподпружится, нажрётся всякой дряни. Если я не наведаюсь к нему домой да не отведу её на конюшню, никто и не кинется. Раз этак сделал, другой. Потом, горячая,хватила воды. Ну и всё — пропала Зорька. А кобыла ж была какая!.. Э-эх, безобразники, сукины сыны, прохвосты, чтоб вас скарёжило в три погибели!..

Абросим Иванович круто поворачивает и идёт на место.

— Кончил, дед? — спрашивает Елкин.

— Кончил. Кабы та кобыла не издохла, она бы вам ещё больше рассказала...

...На долю конюха Серёжи Замятина досталось доложить собранию результаты проверки ухода за рабочим тяглом.

Сергей, парень лет двадцати, комсомолец, говорит с жаром, почти кричит:

— В общем у вас, товарищи, так получается: за мёртвым инвентарём лучше ухаживаете, чем за живым. Нет у вас заботы о верном нашем друге — коне! Что на животновод-

стве безобразия, что на конюшнях—одинаково. Разве при таких кормах, как у вас, лошадям быть в средней упитанности? Как змеи должны быть! Тут всему причиной, я скажу, корыта. Корыта у вас в конюшнях велики, сразу, целая сапетка половы вмещается. Урезать их надо обязательно, чтоб одну жменю только можно было всыпать, тогда всегда будет свежая мешка и лошади охотнее её станут есть. А то намешают сразу на целую неделю. Лежит она, киснет, пока завоняется. Николай Савельич! Вот послушай моего совета. Пошли завтра плотников, нехай поделают ма-аленькие корыта, вот такие. Посмотришь, как начнут кони поправляться... Теперь насчёт чистки. Чистка у вас, товарищи ездовые, некачественная. Во второй бригаде нашли мы две пары лошадей — прямо можно написать пальцем на спинах фамилии ездовых.

— Ты ж их, Серёжа, почистил? — спрашивает Капитон Иванович.

— Нет, дядя Капитон, — виновато отвечает Сергей. — Не почистил. Не дали! Такие сурьёзные ездовые попались, не допускают — Петренко и Артём Малышев. Хоть ты, говорят, и комиссия, но до наших лошадей не имеешь права касаться. Указать можешь, а сам не лезь. Знаем, говорят, чтоб ославили потом на весь район. Приезжали, дескать, из «Маяка» конюхи в «Красный Кавказ» лошадей чистить! Ну, что ты, драться с ними будешь? Почистили при мне, с тем и пошёл... Есть ещё там, во второй бригаде, жеребята-стригуны. Максим Будник ухаживает за ними. Прямо жалко глядеть на них! Прошлогодние репяхи в хвостах. Говорит, не даются чистить, брыкаются. Что значит «брыкаются»? Вот это и хорошо. То и конь, что треноги рвёт. Не даётся одному — взяли бы его вдвоём да как следует щёткой его по бокам туда-сюда! Эх, Максим, Максим, а ещё казак! Остаться что ли, у вас на день, поучить вас, как надо чистить?.. Только вы, товарищи, не обижайтесь: самокритика исправляет и людей и лошадей.

Замятину дружно аплодируют и гости и хуторяне. Оркестр играет туш. Дед Чмелев громко крикает и замечает:

— Ишь, ты! Подбадриваются перед чужими! Мне так не подыгрывали!..

— Так тебе, Абросим Иваныч, неудобно подыгрывать, — отвечает капельмейстер. — Ты ж всегда кончаешь матюком.

Собрание становится чересчур шумным. Смех, солёные

добавления с мест. Елкин то и дело стучит карандашом по столу. К тому времени, когда на сцену с заключительным словом проверочной комиссии выходит Капитон Иванович, атмосфера уже сильно накаляется...

Капитон Иванович, сухощавый, стройный, в бешмете с обтянутой талией и высоким стоячим воротником, покручивая усы, ждёт с минуту, пока успокоится народ. Шум откатывается по рядам колхозников назад и замирает у дальней стены.

— Ну, мы наговорили вам тут всякой всячины, — начинает Капитон Иванович. — Извиняйте, если, может, кого задели. Такая наша миссия, затем и послали нас сюда, чтоб помогли вам. Оно-то, конечно, в чужом глазу соринка видать, а в своём и бревна незаметно. Со стороны всегда так. Ну, ничего. Вы тоже приедете до нас, укажете нам на наши упущения... Итак, товарищи, поработали мы с вами год. Я думаю, мы сейчас первенство определять не будем, кто кого победил. Тут надо посторонних людей, а сами начнём определять — ещё подерёмся. Это районные организации сделают: проверят, учтут всё и скажут нам. Но всё-таки разрешите мне сказать своё мнение — так, частным порядком, неофициально: первенство, конечно, останется за нами.

— За кем? — не расслышал кто-то сзади.

— За нами. Ну, ясно, иначе и быть не может.

— Ничего ясного ещё нету! — тот же голос. — У нас нынче, Капитон Иванович, далеко лучше, чем раньше было. Мы в этом году по десять килограммов хлеба на трудодень дадим, чего у нас ещё сроду не бывало.

— Ну, что ж такого. И мы по десять, — отвечает Капитон Иванович.

— Значит, равняемся.

— Ежели равняемся, тогда мой совет: давайте на палку конаться. Чей верх, — тому и знамя, — предлагает какой-то шутник.

Елкин с сердцем грохает кулаком по столу:

— Да поймите же вы совесть! Ну, что за народ — не дают человеку слова сказать!

— Нечего конаться, — продолжает спокойно Капитон Иванович. — И так видать. Что на трудодень, — это ещё не всё.

Не единым хлебом жив человек. Отпало уж это — ценить колхоз только по килограммам. Что десять? Можно и пятнадцать и двадцать дать. Ничего не строить, не отчислять для продажи — вот и двадцать. Мы ведь в этом году сколько настроили! Конферму на сто маток, мельницу, гараж, родильный дом, две новых автомашины купили. Восемь тысяч центнеров пшеницы сверх поставок продали кооперации под машины и стройматериалы! Нет, товарищи, так односторонне нельзя подходить: десять и десять — значит равны. Надо брать всё хозяйство, тогда будет правильно. И если взять по отраслям, конечно, наш колхоз от вашего, как небо от земли, что там и говорить! Мы, можно сказать, мчимся вперёд на тройке вороных, ещё и пристяжные по бокам: сад, огород, пчёлы, птица. А вы запрягли одну клячу в оглобли — трюх, трюх помаленьку. Только на полеводстве выезжаете. В случае какой стихии — града или засухи, — значит, всё, слезай, приехали. Ни хлеба, ни денег. Правильно? Единственное, что имеете, кроме хлеба, — животноводство, и то нашему и в подмётки не годится. наших всех животноводов вызвали в район оформлять документы на Всесоюзную выставку, а вашего, как видно, не сегодня-завтра будет прокурор оформлять...

— Капитон Иваныч! Да ты не верь! — не выдерживает Пацюк. — Тут такого наговорили, что и на голову не лезет. И сено под самую крышу. Прямо, будто я уже вредитель какой-то!

— Никита! — хрипит Елкин. — Тебе давали слово? Терпения не хватает?

— У вас этот председатель, которого сняли, — продолжает Капитон Иванович, — был парень из таких, что не любят особенно перегружать себя работой, чтоб не надорваться. Что район спрашивает с колхозных руководителей? Сев, прополку, уборку. Вот этим он только и занимался, что в обязательном порядке, а от себя чего-нибудь добавить — боже упаси! Лишняя обуза! Разведи гусей, уток, а на них, дьяволов, нападёт ещё какая-нибудь чума. Подохнут — отвечать придётся. Он, видно, и вас так приучил. Ну, теперь Николай Савельич, может, поломает это дело?

— Да уже кой-чего начали, — отзывается Дядюшкин. — Сто колод пчёл покупаем в «Дружбе», с питомником договор заключили на посадку винограда.

— Хорошо! Вот когда всего этого займется побольше, тогда можно будет вам и о первенстве спорить. А пока не

волнуйтесь и не расстраивайте зря нервы. Вот так... А насчёт вашего полеводства я, товарищи, тоже хотел говорить. В нынешнем году урожай хороший, но не думайте, что у вас так уж крепко дело поставлено. Мы сегодня были во всех бригадах: звеньевых собирали, с бригадирами беседовали. Проверjali так, как полагается, как нас недавно колхоз «Коминтерн» проверял. Спрашивают наших звеньевых: «А кто такой был Тимирязев? Кто был Вильямс? Кто такой Дарвин? В чём его ученье заключается?» А что вы думаете? Вспахать только без огрехов да посеять в срок? Этой агротехнике уже десять тысяч лет! Пора по-настоящему браться за науку. Я скажу, не хвлясь: у нас это дело хорошо налажено. Я как заведующий агролабораторией сам этим закручиваю: собираю людей, агронома приглашаю. Четыре раза в неделю занятия бывают. Ходят все в порядке дисциплины — и бригадиры и члены правления. Никаких никому льгот — ни по семейному положению, ни по старости. Сидим за партой, как детишки, — тетрадочки, карандашники. А потом, конечно, применяем всё на практике. Так и мы сегодня у вас проверили. Ну, что ж, агролабораторию вашу мыши съели, от экспонатов одни пеньки остались. И заведующего, может, съели бы, так его нету: услали в горы лес заготовливать. Нашли работёнку по специальности! Это, Николай Савельич, ещё до тебя учудили. Ну, тебе пора бы уже поправить. А раз агролаборатория не работает — и учёбы никакой. Думали, может, сами читают кой-чего, интересуются. Взяли на выдержку несколько человек — ни в зуб ногой. Извиняйте за выражение. Вот товарищ Елкин такого нам упорол, что животы порвали со смеху. «Дарвин, — говорит, — это главнокомандующий французской армией».

— Да неверно же! — вскакивает Елкин. — Не говорил я этого!

Теперь Елкина успокаивают в свою очередь колхозники:

— Порядок, Семён Трофимович! Не перебивай докладчика.

— Ты же председатель собрания!

— Сам нарушаешь!

— Терпи! — кричит ему Дядюшкин. — Терпи!

— Да как же стерпишь, ежели напрасно? Не говорил я про главнокомандующего.

— А как ты сказал? — наклоняется к нему Капитон Иванович.

— Я сказал: бухгалтер нашего сельпо. Так у них же фамилии схожие: тот Дарвин был, а этот Варвин.

— Совершенно верно, прошу прощения, ошибся, — извиняется Капитон Иванович. — То насчёт главкомандующего бригадир Душкин сморозил, по старой солдатской привычке, должно быть: хоть ври, да не молчи. Но и ты, Семён Трофимыч, сплоховал! Великого мирового учёного с бухгалтером сельпо сравнял. Бухгалтер, конечно, — тоже должность нужная, но, пожалуй, всё-таки если бы узнал старик, — обиделся бы... Плохо, плохо, товарищ Елкин! Гляжу вот я на тебя и думаю: нет в тебе никакого движения. Почему так? Каким помню я тебя с начала коллективизации, таким ты и остался. И кепка на тебе та же самая, которую ещё носил, когда мы лошадей обобществляли в станичном гиганте. Помнишь, как тебя бабы возле мельницы терзали, сапоги в колодезь забросили, а кепку в яме с мазутом утопили? Ты её после в керосине вымачивал, она тогда ещё новенькая была... Как ты, товарищ Елкин, в то время руководил бригадой? Наряды давал, конюхов по ночам проверял, тяпки полольщикам точил. А сейчас как руководишь? Тяпки точишь, наряды даёшь — то же самое? Неужели за десять лет ничего нового не прибавилось? А ефремовцы? Или тебя это не касается? Есть два рекордных звена, взяли обязательства, ну и нехай себе выдумывают всякие штучки, а моё дело — сторона, мне некогда, я должен наряды давать. Плохое рассуждение, ежели так! А, пожалуй, так оно и есть. Не зря обижаются на тебя звеньевые, что ты прямо тормозишь им в работе. Станут подводу просить, чтобы одобрение вывезти в степь, а ты их по матушке. В уборку урожайность смешал. Бились, бились люди, каждый хотел свою работу показать, и обезличили их. Тебе это тоже, небось, представляется как лишняя нагрузка — опытные участки, учёт урожайности, — зачем это, кто это выдумал? Точно? И в других ваших бригадах такое же отношение. У Душкина ещё хуже: ни одного гектара не удобрил! А у нас уже, товарищи, на будущий год половина всей посевной площади пойдёт под удобрения. Вот, выходит, и тут вам до первенства далеко. Триста гектаров озимки посеяли ефремовским способом — наперекрёст. А вы — ничего. Может, и слышали об ефремовском агрокомплексе, слышали, конечно; не может быть, чтоб вас это не коснулось, но не придали значения. Поговорили, поговорили — тем дело и кончилось, а применять на практике не рискнули. Никуда это не годится!

Елкин ёрзает на стуле.

— Что же ты равняешь, Капитон Иваныч? — говорит он, жалко улыбаясь. — Вы в станице, а наше дело хуторское. Живёшь тут в глуши бык быком и уши холодные.

— Ты не прибедняйся, товарищ Елкин! При чём тут хутор? Можно и в станице занехать себя хуже, чем в хуторе. Тут другое... Я скажу прямо, ты только не возьми в обиду. Вот пришёл ты сегодня на собрание в общественное место, а на что ты похож? В дёте весь, будто подолом трактор обтирал, небритый, рубаху распустил. Ай-яй-яй! Ещё хвалитесь: десять килограммов! Куда же вы их деваете? А посмотри на нашего бригадира Андрея Савельича. Видал, какой джигит? Почему бы и тебе не так? Не любишь казачью форму — надень галстук, пиджачок. Ах, ты ж, товарищ Елкин-Паалкин! Вот она откуда культура начинается!.. Поверь моему слову. Сейчас у тебя в бригаде урожай неплохой, а уберёшь рубаху в штаны и скинешь вот эту цилиндру телячью — ещё лучший будет.

Смущённый Елкин на самом деле снимает свою «меховую» кепку, вся верхняя часть которой от давности облезла и вытерлась, как бок у чесоточной овцы, и, повертев её в руках, кладёт перед собой на стол. В клубе дрожат стёкла от хохота...

— ...Ну, что вам, товарищи, ещё сказать? — продолжает Печерица. — Значит, самое больное место у вас — культура. Нажать надо на это дело обязательно.

— В следующий раз приедете — все бригадиры при галстуках будут, — говорит, улыбаясь, Дядюшкин. — За свой счёт куплю. И обяжем решением правления носить. Как в армии, — приказом по гарнизону.

— Посмотрим! Учёбу надо наладить. Открыть при колхозе стахановскую школу, как у нас. Имейте в виду, товарищи: не будете учиться — в самых задних рядах окажетесь. А плохо быть отстающим! О передовом колхозе и в газетах пишут, дети читают про своих отцов и матерей, какие они герои, девчата охотнее замуж идут в такой колхоз, в Мокскую люди ездят, почёт им, уважение, а отстающих — и куры клюют... Ещё хотел я сказать, товарищи, о вашем животноводстве, совет вам дать, как с ним поступить, чтоб направить дело. Про Никиту не буду говорить: достаточно сказано, у него, должно быть, и так уже в сапоги полно поту

натекло. Нехорошо, конечно, получается. Знал я его как человека стоящего, преданного. Я же с ним вместе астраханские пески прошёл! Значит, разбаловался. Ну, что ж, и от такой хворобы лекарство имеется. Тут Абросим Иваныч правильно подметил насчёт функции, что не могут они свои функции найти. На фермах, само собой, есть начальники — бригадиры, а тут ещё заведующий всем животноводством. Я бы вам посоветовал упразднить должность заведующего животноводством. Назначить подходящих людей на фермы — и всё. И пусть ими непосредственно руководит правление, а ещё лучше, если сам председатель больше будет вникать. Мы давно уже так сделали. У нас нет заведующего животноводством, есть заведующие фермами, и больше никого. Они за своё дело отвечают, сами всё обеспечивают, у них и тягло там, подвозят себе всё, что нужно, ну, а в случае чего, конечно, обращаются в правление за помощью.

— Так как ты предлагаешь, Капитон Иваныч? — поднимается дед Чмелев. — Чтоб, значит, ликвидировать Никиту?

— Ликвидировать. Должность его.

— Совсем?

— Совсем.

— Чтоб и не было?

— Ну, да.

— А, пожалуй, так оно лучше выйдет, — соглашается кто-то из колхозников.

— Значит, останется наш Никита — министр без портфеля? — не унимается дед Чмелев. — И куда ж его тогда?

— Да куда? Можно в бригаду, на степь, хотя бы временно. Это очень хорошо помогает. Там функция известная, гулять некогда. У нас в прошлом году был такой случай с завхозом Катричем. Задурил парень, пьёт и пьёт каждый день, аж похудел от водки, чёрный стал, как земля, хрипит. Сняли его, послали в бригаду поставщиком. Поработал немного на свежем воздухе, обдуло его там ветерком — очухался. Через месяц прикинули на весы — на восемь килограммов поправился. Как на курорте! И пить перестал. А то было совсем пропал человек. Сейчас опять назначили завхозом.

Снова смех. Все оборачиваются к Пацюку.

— Никита Алексеич у нас сегодня именинник, — говорит Кандеев.

— А ему ж, бедняге, ещё и дома достанется!..

— Ну, вот и всё, товарищи, — кончает Капитон Иванович. — Как будто охватили полностью. Если будут вопросы, задавайте. В заключение передаём вам пламенный большевистский привет от соревнующихся с вами колхозников «Маяка революции» и желаем всякого успеха. Но переходящего знамени вам, конечно, не видать, как своих ушей.

Оркестр приготовился было сыграть туш, но последние слова Капитона Ивановича смущают капельмейстера: можно ли приветствовать такой выпад, направленный против них? Он вопросительно смотрит на своего председателя.

— Валяй! — машет рукой Дядюшкин. — Ничего не поделаешь: гости! Гостей надо уважать.

Гремит музыка, трещат аплодисменты. Елкин, красный, распарившийся возле жарко горящей лампы «молнии», хлопает с сосредоточенным выражением лица громче всех...

В прениях после Капитона Ивановича выступают колхозники «Красного Кавказа», выступают ещё гости, которым не пришлось говорить вначале. Собрание продолжается до глубокой ночи, бурное, необычное.

Паша Кулькова, звеньевая из «Маяка революции», разносит в пух и прах бригадиров:

— У вас звеньевые какие-то безответные. Смешали им урожайность, и они ничего, терпят. Если б на наших девчат, побили б, клянусь совестью, побили б! Как так: год работать, трудиться, и чтоб всё это в одну кучу с каким-нибудь лодырем смешать! Нехай бы попробовал мне бригадир не дать подводу, когда, по моим агроправилам, срок подоспел навоз вывозить! Да я б его среди ночи с постели стянула, сказала б: запрягай сам и вози, а не то глаза выцарапаю!..

— Нет, Паша-детка! — отвечает ей звеньевая из бригады Елкина Арина Рябухина. — Это не через то получается, что мы безответные, а что бригадиры у нас такие лоботрясы. Ничем их не переубедишь! Заладили одно: невозможно при комбайновой уборке учесть урожай по звеньям — и всё! Почему невозможно? Невозможно, говорю, только тебе, товарищ Елкин, штаны через голову надеть, с этим я согласная, а всё остальное можно сделать. Можно и бестарки так расставить, чтоб бункер как раз на меже опорожнять, можно и участки распланировать иначе, чтоб не дробить культуры по пять — шесть гектаров: одному звену всю клещевину отдать, другому — весь подсолнух. А по колосовым

можно взять снопиками пробу урожая. Не хотят возить-ся... Вот как нынче Елкин с опытным участком наделал мне делов. Были у меня подсолнухи по марганцевой руде. Заложили опыт с нашим заведующим агролабораторией: три деланки — по руде, три — контрольные. Подсолнухи выросли — сроду ещё никто таких не видал! Стебли в руку толщиной, шляпки, как зонтики! И что ж он сделал? Запустил комбайн. Скосили подряд. Нам того участочка — мы бы его за час руками сжали. Я как увидела, косят, — три километра от табора бежала; сердце зашлось, и не крикну, и ноги уже подламываются. Стала платком махать, — остановили они комбайн. Ну что ж, уже скосили, зерно в бункере перемешалось... Что ж ты, говорю, Семён Трофимыч, наделал? Лучше бы ты, говорю, зарезал меня на этом самом месте! И так у нас всё идёт...

— А я, Ариша, ещё иначе скажу, — добавляет звеньевая Пелагея Маркова из бригады Душкина. — Какой им интерес выделять нашу урожайность? Ты смотри, как у нас получалось: восьмое звено самое отстающее, и кто ж в нём был? Бригадирова жинка, председателя нашего бывшего жинка, завхоза Юрченко и учётика. Выходят на работу — в завтрак, бросают — чуть солнце с обеда свернёт. На кукурузе волки воют, подсолнухи не прорвали вовремя, вытянулись в ниточку, истекли. Так если бы их урожайность отдельно учесть, да считать им трудодни, — заработали бы они от жилетки рукава! А так и они за нашей спиной проходят.

— Правильно Поля сказала! — кричат колхозницы из лучших звеньев.

— Нашими трудоднями лодырей кормят!

Максим Петрович Дронов — не мастер на широкие обобщения. Он касается отдельных хозяйственных беспорядков:

— Михайло Потапыч! Ты говорил: с инвентарём у них хорошо. Стали, мол, на колёса, а вот сбруя ихняя ни к чорту не годится. Мы смотрели — во всех бригадах на бичёвках ездят. Спрашивали их: «Кожи у вас есть?» «Есть», — говорят. «А шорники есть?» «Есть». Так чего же они не шьют новую сбрую? Или, может, у вас шорники такие, что боятся кожи резать, как бы не испортить?

Вскакивает шорник «Красного Кавказа» Фёдор Кравчук:

— А у вас сбруя? Довольно, Максим Петрович, не хвались! Видал ваших, приезжали на мельницу. Постромки из пожарной кишки, уздечки из мочала, а вожжи из фитилей. Тоже зажиточные!

— Так это, может, одна пара на весь колхоз задержалась и как раз попалась тебе на глаза!

— В акурат три подводы ваших было на мельнице, и вся сбруя такая!

— Во-о!.. Максим Петрович! Что ж ты, брат, хвастаешь?

— Значит, поквитались? — смеётся кто-то. — У нас бечёвки, у них мочало!

— В расчёте!..

— Нет, не поквитались, — поправляет Дядюшкин-председатель, — этим, товарищи, нельзя успокаиваться, если нашли у соперника прореху. Прореха на прореху — в расчёте. Не так! Тогда поквитаемся, когда и у них и у нас будут кони, как львы, дончаки и англо-дончаки; сбруя, как солнце, вся в бляхах; урожай — сто центнеров; овощей, фруктов — горы! Вот тогда скажем: в расчёте.

Паша Кулькова после бригадиров принимается за завхоза:

— Иван Григорьевич! Вы как понимаете: ваша обязанность — только в кузню заглядывать, где инвентарь ремонтируется, да горячее возить? А о живых людях вы не беспокоитесь? Это вас не касается? Вы знаете, в каких условиях ваши стахановцы живут?

— А что такое? Ничего не знаю. Ты, Паша, на меня особенно не наваливайся, я же всего только второй месяц как заступил.

— Ничего! Не из Америки приехали! Тут живёте, всё видите. Как у вас Фрося Петренкова считается по работе?

— Как? Стахановка.

— Лучшая стахановка! Я же с ней соревнуюсь, была летом в её звене, видела её клещевину. Кабы не смешали урожайность, она со своим звеном на Выставку поехала бы! А как вы её отблагодарили? Вам же известно, что у них в семье она одна да мать-старуха, мужчин нету, — значит, надо помогать. Хата течёт, ветер крышу сорвал, сарай завалился, корову некуда загнать. Что у вас, соломы нет на крышу, сарай не из чего слепить? Стыдно, товарищи! Не на мой характер! Я бы перешла в завхозову хату либо в председателёву самоправно. Выгнала бы их и сказала: «А вы идите жить в мою, нехай лучше вам за шиворот течёт, раз вы такие, что не заботитесь о стахановцах!»

Выступает ещё раз Абросим Иванович Чмелев:

— Я со всем этим согласный, что говорила комиссия о на-

ших недостатках. Правильно на сто процентов! Очень приветствую я такие собрания! И Степановна правильно говорила и Сергей — как тебя? Васильчич? — хочь и молодой парень, а тоже толково подметил, почему у нас лошади худые. И насчёт сбруи, что Максим Петрович сказал, — тоже правильно. Чего там отказываться? Кожи лежат, гниют, а ездим чорт-те на чём. Скоро уже будем вязать брички за хвосты лошадям. Ну, а Капитон Иваныч — этот уж обрисовал всё до тонкости. Как в воду глядел. Подписываюсь под его словами!.. С одним только я несогласный!.. Как ты мог, Капитон Иваныч, сказать так: «Не волнуйтесь насчёт первенства?» Это твоё выражение я считаю недопустимое. Как можно не волноваться? Есть ли такой человек на свете, чтобы не желал лучшего? Прямо, совсем ты нас принизил, подсёк под корень. Что ж ты хочешь, чтоб мы до веку такие вот речи слушали на собраниях? Плохое твоё пожелание! А я скажу наоборот: придёт время, будут люди приезжать к нам сюда, приветствовать нас, награждать. Да! Иначе и быть не может! Конечно, ежели взять сейчас, наш колхоз отстал по хозяйственной части от вашего из-за плохого руководства и вообще из-за халатности. Ну, что ж. Сэсэсэр попервоначалу тоже отставал от капиталистических держав. Догнали? Как товарищ Сталин сказал: отстали на сто лет, а догнать надо в десять. А мы нажмём, да за год догоним вас и перегоним, а самое большее — за два!

Деда поддерживают колхозники:

— Правильно!

— Нехай не зазнаются да почаще назад оглядываются, а то пятки оттопчем!

— И у нас народ работать умеет, дай только правильное руководство!

— Догоним!

На этот раз выступление деда чувствуется и оркестр.

— И ещё несогласный я вот с чем: почему меня сторожем поставили? — продолжает Чмелев. — Тому председателю сколько разов заявлял и тебе, Николай Савельич, заявляю вот здесь, принародно: сторожую только до весны. Так и знай. К чертовой матери! Занудился уже я на этой должности звёзды считать. Я ещё не такой калека. Подыскивайте на моё место какого-нибудь из самых престарелых, а я пойду в бригаду. Сколочу звено из дедов и тоже буду ворочать дела. И нехай мне попробует кто-нибудь смазать мою ра-

боту, участки перепутать, либо ещё чего, я ему так смажу, что он и внукам своим будет заказывать не связываться со стариками!..

Бригадиру Елкину приходится выступать с покаянной речью. Кается он искренно, от души; он много пережил на этом собрании. Кепку он как скинул, так и не надевал больше; незаметно, когда внимание колхозников было отвлечено другим, бросил её под стол, чтоб она и не мозолила глаза людям, застегнул воротник рубахи, одёрнулся.

— Честное слово, товарищи женщины, больше этого не будет! — прижимая руки к груди, говорит он. — Кто не работает — тот и не ошибается. Оно верно, занимаешься чорт знает чем, только не агротехникой. Муку мелешь, сбрую чинишь. Ну, теперь я заведу такой порядок: в первую очередь всё внимание вам, стахановским звеньям. В нынешнем году мы учтём урожайность по каждой культуре, по каждому звену в отдельности — до снопа! Завтра посылаю три подводы на станцию за суп... за супвер... — вот проклятый, не выговоришь! — за суп-пер-во-сфатом! И давайте так договоримся: кто старое помянет, — тому глаз вон. А насчёт курсов я не возражаю...

Молчит лишь Пацук...

В конце собрания слово берёт Николай Савельич Дядюшкин:

— Ну, кто это мне вчера говорил насчёт бани? Ты, кажется, Иван Григорьевич? Вот она где, баня, всем нам! Я предупреждал вас, когда принимал дела, особенно Никиту Алексееича: так работать нельзя. Возьмут когда-нибудь колхозники в оборот — жарко будет! Ну, ничего. Почаще надо делать такие проверки. Спасибо вам, товарищи маяковцы, за критику. Передавайте и вы дома привет от нас и скажите: очень довольные всем остались, особенно руководители некоторые. В том числе и председатель. Именно так! Я, товарищи, оправдываться не буду нисколько. Что недавно стал председателем, — это не оправдание. Как в армии? Принимает новый командир часть; ему не даётся много времени на ознакомление, через час — два, может, и в бой её поведёт. Есть немало и моих упущений. Просто, можно сказать, не сообразил, за что в первую очередь надо взяться. Хотя бы и курсы! Конечно, их можно было бы давно открыть. Так же и агролаборатория. Ну ладно, хватит, а то ещё начну оправдываться. А это — самое последнее дело. И вам никому не советую. Не затем мы сюда собрались, чтоб нам

тут накручивали гайку, а мы её раскручивали. Нехай, как закрутили, так и остаётся. Надо сказать одно: плохо работали? Плохо. Можно лучше работать? Как думаете?

— Можно, конечно!

— Ариша вон говорит: нельзя только штаны через голову надеть.

— В наших руках сделать колхоз таким, как Абросим Иваныч сказал, чтоб приезжали люди к нам и учились у нас? Как вы считаете, товарищи колхозники?

— Ясно, в наших!

— А кто же приедет сюда работать за нас?

— Ну, значит, всё. Приказано выполнять. По-военному — коротко и ясно. Закрывай, товарищ Елкин, собрание. А насчёт Пацюка, и этих наших хвостокрутов Стороженка и Панькова, и всё остальное, что нам тут советовали, — это мы решим на следующем собрании. Сейчас уже поздно. Вопросы серьёзные, будем спешить, — скомкаем. Капитон Иваныч! Значит, мы в воскресенье к вам не приедем, будем своими делами заниматься. Дайте нам немного срока подуправиться, кой-чего в порядок привести. Приедем после Нового года. И уж тогда держитесь! Пошлём Абросима Иваныча, Кандеева, Семёна Трофимыча, всех звеньевых, и я сам приеду. Проверим разве так! Кандеев вам все болтики на сеялках пооткручивает. Запасёмся харчами, три дня будем жить, пройдем из хаты в хату... — Дядюшкин замечает под столом кепку Елкина, нагибается, поднимает её, — покуда полную вот эту цилиндру недостатков не наберём, — не уедем!..

Оркестр сразу с туша переходит на гопак. Как ни поздно, но, по традиции, всякое собрание в клубе должно заканчиваться танцами.

— Эх, рви кочки, равняй бугры, держи хвост морковкой! — кричит Капитон Иваныч. — Сергей! А ну-ка, покажи им, на чём орехи растут!

Сергей, заломив лихо кубанку, выходит на круг. Хуторские девчата выставляют против него доярку Ксюшу Ковалёву, рослую, сильную девушку, немного тяжеловатую, но неутомимую в танцах.

Сейчас же выходит и вторая пара — кузнец Кандеев с Мотей Сердюковой. Начинается соревнование в ловкости,

выносливости и изобретательности на всякие замысловатые коленца.

— Шире круг!

Капитон Иванович не выдерживает, вытаскивает за руку из толпы, окружившей танцоров, Настю Пацюкову и тоже пускается в пляс.

— Не горюй, Настя! Всё перемелется — мука будет!

Настя, отложив расчёты с Никитой до возвращения домой, танцует, не жалея каблуков.

Дед Чемелев, поигрывая плечами, с ухваткой старого лихача проходит два круга с Пашей Кульковой.

— Вот это пара! — смеются колхозники.

— Самая подходящая — по характеру!

— «Страдание!» — заказывают оркестру.

— Давай «Страдание!» — кричит Сергей и без отдыха переходит на замедленный темп другого танца.

«Страдание» танцуют с припевом.

«Чем же, милый, ты гордишься,
Чем же ты прославился?» —

начинает Катюша Ковалёва, подбоченившись, задерживаясь против Сергея.

«В бригадиры не годишься,
Конюхом не справился», —

добавляет в лад ей Сергей, разводя руками и не переставая в то же время выстукивать об пол частую дробь.

Зрители в восхищении:

— Ловко у них получается!

«Открой, маменька, окошко,
Одну половиночку», —

начинает Ксюша.

«Отпусти гулять немножко,
Одну вечериночку», —

закругляет Сергей.

— Вот, брат, как у них согласно идёт!

— В чём ином, а уж в танцах один другому не уступит! Шофёр Фёдор Малюк, постояв немного в кругу зрителей, возле танцующих, выходит во двор к машине. На дворе всё в снегу. Тишина и лёгкий мороз. Буря улеглась, небо прояснилось. Горят над хутором яркие звёзды. Федя обметает прихваченным в сенях клуба веником снег с капота мотора и с подножек, откидывает борт кузова — там тоже полно снегу. Очистив кузов, он достаёт оттуда ведро, идёт к колодцу и начинает наливать воду в радиатор.

...Гремит музыка, танцует молодёжь...

В углу, у стены, в сторонке, стоят братья Дядюшкины: один — в казачьей черкеске, другой — в шинели. Андрей Савельич лет на десять старше Николая, усатый, с сединой на висках, но и Николай — парень уже возмужалый. До призыва он работал бригадиром в колхозе, в армии служил четыре года. Он выше брата, плотнее его.

— Правильно поступаешь, Коля! — говорит Андрей Савельич. — Так и дальше действуй. Главное, не давай им оправдываться. Может, чего и лишнего наши перехватили, но ничего. Оно неплохо. На то, говорят, и щука в море, на то и соревнование, чтоб руководители не дремали. Будешь всегда так держать — дело у тебя пойдёт.

Николай широко улыбается.

— Да, думаю, что пойдёт... А чего же не пойти? Люди есть и у нас хорошие. У меня всё ж таки план был обогнать вас. А? Конечно, не сразу, но так годика в два...

— Ну, что ж, час добрый...

— А деда Чмелева мы, пожалуй, назначим заведующим мэтрфэ, — говорит Николай. — Как ты смотришь, Андрей? Звено ему, конечно, не под силу, не его дело с тяпкой гнуться, а на ферме справится. Раз человек охотится ещё поработать, почему не так? Дед он грамотный Ругательный, правда, немножко; ну, мы ему сделаем предложение.

— Можно, давай. Неплохо будет. Он если возьмётся, выгонит им чертей! А главное, тут уж для вас без опаски тем, что молоко на него не подействует.

Братья смеются, поглядывая на Абросима Ивановича, опять големом прохаживающегося по кругу, на этот раз с Василисой Абраменко.

...На порошках сцены, обнявшись, отдыхают после танцев подружки-звеньевые Паша Кулькова и Фрося Петренкова.

— Приезжай, Фрося, к нам, когда ваши будут ехать. Приезжай обязательно, — говорит Паша. — Попросись, чтоб тебя послали.

— Приеду... Значит, Паша, мы опять будем с тобой соревноваться? Вот если б нам вместе на Выставку поехать!.. Ох, Паша, как же мне не хочется, чтобы у тебя в звене лучше было против нашего! Кабы у нас хоть трощечки, трощечки лучше. Или чтоб равнялись... Ты на меня не сердисься, Паша?

— Чудачка ты! — улыбается Паша и обнимает подругу.

Дед Штанько и его кум Онисим Фёдорович Пшонкин, к которому он приехал в гости, — такой же дряхлый, престарелый казак, — пока длилось собрание, несколько раз исчезали из клуба. Кум жил рядом с клубом, туда они и ходили подкрепляться. Теперь они сидят посреди зала на скамейке, наблюдают за танцами и ведут беседу громко, чтоб перекричать музыку.

— Да-а... — говорит дед Штанько. — Видал, кум, как спорят? Кто проверяет? Сами себя — Андрюшка Савкин, Мишка Коржов. Значит, так уж в кровь зашло!..

— Оно и раньше было, — отвечает, подумав, дед Пшонкин. — Построит человек новую хату в три окна на улицу, а сосед норовит перещеголять — четыре вставляет. Один покупает кобылицу Никольского завода, а другой ищет получше — чистокровную, текинских кровей... Только не так оно обочивалось. Бывали случаи: и кобыла та подохнет, и хлеб градом выбьет — идёт в работники к тому же соседу!..

Старики долго молчат.

— Помнишь, кум, — опять начинает дед Штанько, — был на мазуранковой мельнице машинист, ещё при старом режиме, как его?..

— Кудря, — подсказывает кум.

— Во-во, Кудря! Бывало, сойдёмся к нему в кочегарку человек несколько, он и начинает рассказывать. «Настанет, — говорит, — такая жизнь у нас, что не будет ни царей, ни ампираторов, всеми богатствами завладеет трудящийся народ, земля будет всё одно, как богова: никто не смеет купить, продать; также и леса и всё прочее. Всё станет доступно народу». Ну, которые верили, которые не верили. И те, что верили, тоже туда-сюда. «Если, — говорят, — и будет такое, то не скоро. Лет, может, через тыщу». А оно, вишь, как обернулось! И мы с тобой, кум, дожили!

— Дожили...

Пауза...

— Ну, что, кум, — предлагает Пшонкин. — Может, пока что пойдём, ещё по одной?..

— Да как оно тут? Успеем ли?

— Успеем!..

Старики, взявшись под руки, идут, нетвёрдо ступая, к выходу.

Следом за ними проталкивается к выходу Пацюк — грузный, лысый, с длинными запорожскими усами. Задев в толпе плечом Дронова, Пацюк сердито бросает ему:

— Всё же ты, Максим Петрович, напрасно так обставил меня. Там до крыши ещё три сажня. И крыша железная. Чего ей делается?

— Не надейся, Никита Алексеевич, на железо, — отвечает Дронов. — Я видал, дорогой, как и железо горит. А три сажня под хороший ветер, как днём сегодня был, ничего не составляют.

В дверях Пацюк сталкивается с бригадиром молочной фермы Чичкиным, выходящим во двор покурить.

— Слышь, Макар! — спрашивает Пацюк. — У тебя есть на ферме вилы?

— Есть пять штук тройчаток и ещё две новых в кладовке, — отвечает Чичкин, недоумевающе глядя на Пацюка.

— Ну, пойдём.

— Куда?

— Пойдём! — тащит его за рукав Пацюк.

Чичкин, пожимая плечами, идёт за ним.

В окна клуба падают лучи света от фар автомашины, разворачивающейся на улице.

— Поехали, товарищи! — зовёт Капитон Иванович своих. — Пиши, гуляли, невесту выдали — пора домой.

Музыка умолкает. Все выходят на улицу. Маяковцы прощаются с хуторянами и усаживаются в машину.

— А дед Штанько где? — спохватывается Капитон Иванович. — Стой, стой, Федя, деда потеряли. Где ж он будет? Это он у Пшонкина. Сергей, а ну-ка смотайся за ним!

— Погоди, — останавливает Коржов Сергея. — Не надо, идут.

Со двора Пшонкина доносится песня — нестройная, пьяная. Поют двое дребезжащими, старческими голосами:

«Ой, сяду я край оконца-а!
Выглядаты черноморца-а!»

Через минуту и сами певцы показываются из-за угла. Кумовья бредут в обнимку. Пшонкин без шапки, дед Штанько волочит за собой по снегу рушники, которыми подпоясывала его старуха.

— Успели, кум! — радостно восклицает дед Штанько, завидев машину.

— Успели... — отзывается Пшонкин.

«Черноморец йидэ, йидэ-э!
Пару коней вэдэ, вэдэ-э!» —

выводит Штанько; Пшонкин гудит басом без слов, не попад.

— Та-ак! Есть один, не уберегли, — говорит Капитон Иванович.

— Ой, сыночки мой родные! — просит дед Штанько. — Вы ж меня не бросайте. Я поеду домой. Там же у меня Фросичка, Фросичка-а!..

— Ладно, ладно, не бросим, отвезём к Фросичке. Только с уговором — не танцовать в машине. Тащите его.

Коржов опять прежним путём втаскивает деда через борт в кузов.

— В серёдку его. Вот сюда. Подвяжите ему воротник. И держите всю дорогу за ноги. Я его знаю, он теперь пойдёт буровить.

— Все? — оглядывает Капитон Иванович машину. — Раз, два, три, четыре, восемь, десять, пятнадцать, восемнадцать, двадцать, двадцать один... Все... Ну, пожелаем вам, товарищи, всего хорошего!

— Счастливого пути!

— Скажите вашему шофёру, чтоб в Ребровой балке аккумулятор держал по косоугру. Там теперь намело снегу.

— Вот как вам повезло! Приехали к нам летом, уезжаете зимой!

— Пока! Жить вам, товарищи, да богатеть, да спереди

горбатеть! — жмёт Капитон Иванович руки колхозникам, перегнувшись через борт. — Чего б вам такого пожелать на прощание? Женщинам вашим желаем: сколько на лесу пеньков, столько бы сынков; сколько на болоте кочек, столько бы дочек! А всем вообще: тыщу быков да пятьсот меринков, чтоб на речку шли, помыкивали, а с речки шли, выбрыкивали, да чтоб все были чищены, хвосты целые, замытые, как у наших. Прощайте, не поминайте лихом! Ждём к себе в гости.

— Прощайте!

— Приедем обязательно.

— До свиданья, Абросим Иванович! Значит, если бы кобыла не издохла, и она б ещё кой-чего добавила?

— Добавила б столько, что и за ночь не переслухали! Прощайте, спасибо за приезд.

— До свидания, мамо!

— С богом, доченька! На платок, закутай ноги Федюшке.

— Кум! А кум!.. Аким Федотыч!.. Пока!..

— До свиданья, сваха! Привет передавай свату Петру!

— Счастливо оставаться!..

Машина трогается, прокладывая в хуторе первый след по первому снегу. Долго блеснит в темноте красный фонарик, удаляясь по шоссе...

Колхозники расходятся по домам. Возле Николая Савельича на крыльце клуба остаются только завхоз и бригадиры, ожидающие наряд на завтра. Хорошо на улице после духоты и табачного угара в клубе. Свежо, мороз покусывает щёки, дышится легко. Приятно поскрипывает снег под сапогами на ступеньках крыльца. Над амбарами за хутором поднимается рогатый месяц. Последние тучи сползают по небу вниз, к чёрному горизонту...

Дядюшкин даёт наряд: сколько подвод из каких бригад послать завтра на станцию за горючим и за минеральными удобрениями, сколько послать за лесом в горы; куда направить людей: часть — на амбары рушить кукурузу, часть — готовить зерно на мельницу; человек трёх из бригады Душкина отрядить на токи за соломой и чтоб они же укрыли завтра хату Петренковой. Страхнув полой шинели снег с перил крыльца, Дядюшкин пишет, склонившись на перила, записку заведующему агролабораторией Матвею Спицыну,сланному не по назначению на лесозаготовки. Бутенко присвечивает ему папиросой, раскуривая её над блокнотом.

— Передашь с кем-нибудь, кто будет ехать в горы, — отдаёт Дядюшкин записку завхозу. — Пусть возвращается домой. А взамен можно послать Юрченку.

Поговорили о погоде. Рано лёг снег, надо бы в каждой бригаде заготовить ещё по паре саней. Если с этого времени установится санный путь, быстро можно управиться с вывозкой леса...

— Николай Савельич! — говорит завхоз Бутенко. — А я всё-таки послал сегодня девчат, прибрали в бане и вытопили. Должно быть, вода ещё горячая, перед вечером топили. Может, пойдём? Неплохо бы сейчас освежиться на сон грядущий. Аж голова трещит. Я всегда так: если пересажу за полночь, тогда уже не могу уснуть.

— В баню? — улыбается Дядюшкин. — Вытопили, говоришь?.. Да, компания-то подобралась подходящая. Как раз все, кому выпали на собрании. Так тогда надо же и Пацюка захватить. Он больше всех пропотел сегодня. Пацюк здесь?

— Нет его, — отвечает Елкин. — Ушёл.

— Он что-то спрашивал Чичкина насчёт вил, — говорит бригадир Душкин. «Вилы, — спрашивает, — есть у тебя на ферме?» Это они пошли сено от коровника откидать.

— Ну-у?

— Не иначе. Так оно, гляди, и будет.

— Вот придали человеку работы!

— Да что, ему теперь всё одно, хоть не заявляйся домой, покуда Настя не перелюет.

— Это верно. Побьёт опять. Чорт — не баба!

— Вот, Николай Савельич, какие нынче порядки пошли, — говорит Душкин. — Муж жену побьёт — судят, а жена мужа — ничего. Он же не пойдёт заявлять в милицию, советно заявлять: этакая дылда — жинка его побила. Так и проходит.

Николай Савельич не отвечает Душкину, просит у Бутенко папиросу, закуривает и вдруг, фыркнув и поперхнувшись дымом, начинает хохотать. Хохоchet он до слёз. На собрании ему, председателю, неудобно было давать себе волю, здесь же он отводит душу, вспоминая всю баталию. Глядя на него, хохочут и бригадиры.

— Вот они попали в переплёт!.. Ах ты ж, Елкин-Палкин! Двойную фамилию дали тебе, как графу!.. Теперь это, гляди, так и останется. Единственный тебе выход, Семён Трофимыч, — забить их всех урожайностью, чтоб не могло быть

никакого смеху... А дед!.. Нашёл, в чём гвоздь!.. Как он Пацюка! При жинке, при людях! Провалиться надо!..

— Я думал, Настя кинется к нему, — говорит Дюшкин.

— Вот бы получилась чертоскубица! Так всё-таки рискованно, как дед загнул: можно собрание сорвать.

Долго грохочет в стылом, морозном воздухе густой хохот.

— Так что ты предлагаешь, Иван Григорьевич? В баню? — говорит Дядюшкин, утирая рукавом шинели слёзы. — А не поздно? Оно-то не мешало бы попариться. Так надо же и бельё чистое захватить? Или просто ополоснуться?.. Смеяться, пожалуй, будут маяковцы, ежели узнают? А? Это ж такой народ! Капитону Иванычу попадись только на зубы. Скажет: «И после жаркого собрания всё правление с председателем во главе пошло в баню».

— Да откуда ж они узнают? Ночь, кто нас тут сейчас видит?

— Ну, ладно, чорт их бери! Пошли.

Замкнув двери клуба на ключ, Дядюшкин спускается с крыльца и, пересекая наискось улицу, идёт, протаптывая дорожку в снегу, на хозяйственный двор, где в глубине усадьбы за запорошенными снегом акациями чернеет баня. Следом за ним гуськом идут бригадиры и Бутенко.

...Тихо в хуторе. Кое-где в хатах зажигаются огоньки. Колхозники, вернувшись с собрания, ужинают и укладываются спать. Снизу, из-за Ребровой балки, от переправы, доносится песня. Поют хором много голосов. Потом песня обрывается. Слышно:

— Эге-гей!..

— Го-го-о!..

— Дед Ива-а-н!..

Это маяковцы, объехав хутор и спустившись к Кубани, вызывают паромщика, задремавшего на том берегу.

1940.

Кубань.

Отв. редактор А. СУРКОВ.

А 04434. Подп. к печати 22/IV 1946 г.

Заказ 293. Тираж 100.000.

Типография газеты «Правда»
имени Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 60 коп.